

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Месть предателя

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Месть предателя / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Преступник совершил заказное убийство — и был арестован. Преступник ждет суда. Все просто. Все ясно? Но почему же тогда от «господина адвоката» требуют, чтобы он отказался защищать этого человека? Кто стоит за этими просьбами и угрозами? Что-то заложено в этом деле — пока еще непонятное. Что-то здесь — не то, чем кажется. «Господин адвокат» начинает задавать вопросы — и очень скоро понимает: ответы — последнее, что он может узнать в жизни...

Содержание

Взрыв на бульваре генерала Карбышева	5
Странный гаишник	9
Посиделки	17
Профессиональный интерес адвоката	22
Райский входит в дело	28
В больнице у Чупрова	33
Лучшие ученики	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Незнанский

Месть предателя

Взрыв на бульваре генерала Карбышева

Гордеев любил это место в Серебряном Бору. Когда-то, в очень даже памятные времена, часть москворецкого пляжа принадлежала дому отдыха Управления делами Московского горкома партии. И по этому случаю была обнесена плотным трехметровым забором — от посторонних, беспартийных, купающихся. Времена изменились, но забор остался, охраняя удобный кусок пляжа теперь уже от нашествия нудистов.

Относительно недалеко находился и домотдыховский теннисный корт, хозяином которого была не менее серьезная организация, поскольку, как известно, недвижимость партии не испарилась, подобно пресловутым партийным средствам, а плавно перешла в ведение президентской администрации. Точнее, ее не менее могущественного Управления делами. Изменились времена, изменился и подход к делу. Плати — и расчехляй ракетки, пользуйся закрытым теперь только для безденежных лиц пляжем, наслаждайся покоем.

Адвокат Юрий Петрович Гордеев хоть и был молод, но безденежным лицом себя не считал. К тому же вовсе не собирался ронять свое реноме на корте перед давним приятелем и сокурсником по юрфаку Андрюшей Ветровым.

Андрей в кругу знакомых считался достаточно сильным игроком в этом привычном для английских аристократов и модном среди «новых русских» виде спорта. А Юра лишь год назад впервые взял в руки ракетку. Но, будучи человеком азартным и спортивным, когда брался за что-то новое для себя, старался достичь если не профессионализма, то, во всяком случае, уровня много выше среднего. Так, кстати, было и в боксе. Начал заниматься еще на юрфаке, поскольку был уверен, что толковому следователю необходима отличная физическая подготовка, а завершил свои выступления на ринге мастерским значком.

Вот и теперь менее чем за год Гордеев добился таких результатов, что самоуверенный Андрюша Ветров проиграл ему в трех сетах.

Друзья обменялись традиционным спортивным рукопожатием.

— Благодарю за доставленное удовольствие! — добродушно улыбнулся Гордеев.

— Взаимно. — Вероятно, Андрею почудилась ирония, и он торопливо добавил: — Надеюсь, у меня появится возможность реванша?

— А как же! В ближайший же выходной к твоим услугам. А теперь купаться!

Они выбрали место поудобнее, расстелили полотенца. Ветров повалился на землю, раскинув руки и сообщив, что он должен остыть. Вода еще не набрала привычной летней температуры.

Юрий же, разбежавшись, оттолкнулся от высокого берега, красиво взмыл ласточкой и почти без всплеска вошел в воду. Знай, мол, наших.

Купающихся, несмотря на жаркий день, было немного, вода действительно более чем прохладная. Что, впрочем, никак не касалось детей — те с визгом бултыхались у берега под строгим присмотром родителей. Подальше качались лодки с загорелыми уже гребцами и дамами под зонтиками. Да еще двое коротко стриженных «качков» на гидроциклах носились по фарватеру, демонстрируя публике массивную «голду» на мощных шеях и запястьях.

Гордеев поплыл наискосок, против течения, на противоположный берег, но на середине реки передумал и лег на спину, отдавшись реке. Густой кустарник скрыл от него «свой» берег. Тихо покачивала бегущая вода. Неожиданно до его слуха донесся треск быстро приближаю-

щегося двигателя. Гордеев встрепенулся и увидел несущегося прямо на него водного мотоциклиста. Он что, не видит, куда несется?

Хорошая реакция спасла Юрия. Он нырнул, но ему показалось, что мотоциклист даже задел его днищем. Вынырнув, Гордеев увидел, что никакой ошибки или неосторожности тут нет — на него неся второй мотоциклист. Ну на этот раз застать его врасплох им не удалось.

Вынырнул Юра у самого берега, на который накатывались волны от прошедшего мимо речного трамвайчика. Нигде не было видно и мотоциклистов. Скорее всего, появление пассажирского судна поломало их планы. А что планы были очень нехорошие, Гордеев уже не сомневался. И тому были веские причины. Но сейчас, успокаивая дыхание, он постарался об этом не думать. Не брать в голову. До поры до времени...

Когда солнце начало уходить из зенита и землю прижала сильная, густая жара, друзья поднялись, окунулись еще по разику и стали собираться. Прежде чем вернуться в раскаленный город, они хотели перекусить. Ветров знал удобное место. Кафе «Минутка» на бульваре Карбышева имело место для парковки машин, было прохладным, спокойным, а главное, здесь готовили вкусную пиццу, которая хорошо шла под безалкогольное пиво.

Друзья сели в гордеевский «жигуль»-«шестерку». Собственно, это была машина не Юрия, а его отца. Свою старую Гордеев продал, а новой обзавестись не успел, поэтому и ездил по доверенности на отцовской.

Хвост Юрий заметил, когда они сворачивали с проспекта Жукова на бульвар. Это был зеленый «фольксваген-гольф».

Юрий въехал на стоянку при кафе и втиснулся между двумя своими собратями, такими же «Жигулями». «Фольксваген» на стоянку заезжать не стал, а остановился поодаль. За его темными стеклами ничего видно не было.

В кафе Гордеев сел так, чтобы видеть свою машину. Проигравший, естественно, платил. Ветров отправился к стойке сделать заказ и принести пиво.

— Принимай, — сказал он, ставя на столик четыре темные бутылки и пару высоких стаканов. — Пицца будет готова позже.

Было жарко, вентилятор, похоже, не справлялся со своими обязанностями, и ледяное пиво оказалось более чем кстати.

Сделав несколько жадных глотков, они удовлетворенно выдохнули, откинулись на спинки стульев и вытянули под столом ноги. Казалось, каждый ушел ненадолго в себя, чтобы затем с новыми силами приступить к прерванному занятию. Однако такое могло прийти в голову только тому, кто абсолютно не был знаком с Гордеевым. Два года работы следователем в Генпрокуратуре, да еще под руководством такого высокого профессионала, как «важняк» Александр Борисович Турецкий, научили его ничем внешне не выдавать напряженную работу мысли и готовность в любую минуту к разного рода неожиданностям, в том числе и к опасным. Даже переход из прокуратуры в юридическую консультацию, где теперь работал адвокат Гордеев, не стер в его памяти фразу, сказанную однажды университетским профессором, читавшим курс гражданского права: «Работа настоящего, добросовестного юриста — как в известной всем песне — и опасна и трудна. И лучшие из вас скоро ощутят это на собственной шкуре». Гордеев и теперь не считал себя лучшим, однако предпочитал, чтобы всю опасность работы юриста чувствовал на себе не он, а его противник — тайный или явный. Именно поэтому, пока Андрюша Ветров рассматривал полусонным взглядом немногих посетителей кафе, Юрий Петрович держал в поле зрения зеленый «фольксваген-гольф», который по-прежнему находился в полусотне метров от автомобильной стоянки.

Неожиданно раздавшийся женский голос напомнил им о цели посещения кафе.

— Две пиццы с грибами! Кто заказывал? — донеслось со стороны буфетной стойки.

— Это для нас, — сказал Ветров, вставая. — Ты, как мне кажется, не станешь возражать против грибов, ветчины, сыра и хрустящей корочки под кетчупом?

— Да, если ты все это называешь пиццей, а грибами окажутся шампиньоны, — поддержал треп приятеля Гордеев, наполняя свой стакан безалкогольным пивом. — В противном случае будешь лопать за двоих.

— Тогда уж лучше за троих. За себя, за тебя и за... вон ту девочку... — подмигнул Ветров, отправляясь к стойке, за которой миловидная девушка в белом кокошнике держала в руках тарелки с жаркой пиццей.

Двое давешних «качков», один из которых был водителем машины, а второй, судя по всему, «техником», сидя в зеленом «фольксвагене», колдовали над не очень громоздким, но непонятным для непосвященного устройством, окутанным разноцветными проводами.

— Замечай, — говорил водитель, — здесь левый, желтый, провод идет на правую клемму, а правый, зеленый, наоборот, на левую. Не перепутай. А лучше вообще выйди-ка из машины. От греха!

— Не бойсь! — бодро откликнулся «техник», сопя над устройством. — А на хрена нам дали новую штуковину? Что, старые уже не годятся, что ли?

— Эти, говорят, помощнее. Слушай, ты бы снял свои побрякушки! Замкнешь контакты... к едрене фене...

— Ноу проблем! Все будет тип-топ! Это сейчас у тех проблемы начнутся... А где тут присоска? Каким боком-то?

— Клеммы снизу, я ж сказал! Слушай, аккуратней!

— Не первый раз... Все под контролем!.. Я сейчас пойду, а ты давай отвлеки их...

Когда Ветров вернулся наконец с двумя пиццами к столику, Юрий выливал в свой стакан остатки пива из последней бутылки.

— Тебя, смотрю, хорошо за смертью посылать, — нарочито ворчливым тоном заговорил Гордеев. — Долго проживем. А вот пицца, поди, остыла. И пиво кончилось. И я не могу с уверенностью сказать, хочу ли я теперь холодную пиццу на сухое горло.

— С пивом мы дело поправим, — парировал Андрей. — А в тебе, адвокат, говорит элементарная зависть. Сознайся, что девочка тоже нравится.

— Так чего ж теперь сознаваться! Ты наверняка с ней уже договорился! Не отбивать же у товарища... Ладно, давай мою порцию, вали за пивом, а заодно закажи и мороженое. Хороший повод продолжить охмуреж. Я теперь понял, почему тебя тянет именно в это кафе.

— Ну вот, уже и поговорить нельзя с хорошей девочкой, чтоб не нарваться на критику! — деланно обиделся Ветров, возвращаясь к стойке и беря в охапку очередную порцию пивных бутылочек. — Если вы, друзья мои дорогие, станете вот так реагировать на мои похождения, я, пожалуй, не смогу жениться... в очередной раз.

— Да неужто у тебя столь высокие цели? — изумился Гордеев.

— Однозначно! — сказал Андрей, садясь. — Как говорит один известный политик и при этом постоянно врет.

— Ха-ха! — серьезно ответил Юрий, принимаясь за еду. — С вами все понятно, молодой человек. Вы ловкий ловелас, а вовсе не потенциальный жених!

В течение всего этого ничего не значащего разговора он постоянно поглядывал в сторону «фольксвагена». Вот опять кинул взгляд на подозрительный автомобиль. Однако вместо зеленого эмалевого кузова вдруг увидел быстро растущий огненный шар. Его можно было бы принять за большую шаровую молнию, но небо над Москвой было безоблачным, грозой и не пахло.

В следующее мгновение раздался оглушительный взрыв. Треск разбитых стекол, людские крики и вой сирен автомобильных сигнализаций ворвались в открытые окна и двери кафе

«Минутка». К этим звукам добавились звон рухнувшей на пол посуды, столовых приборов и грохот опрокинутого столика: какой-то военный, заслышав взрыв, по привычке бросился на пол. Других разрушений в кафе не было — сказала его удаленность от эпицентра взрыва. Однако многие посетители спешно покинули заведение, чтобы собственными глазами увидеть последствия происшествия.

— Опять наверняка мафиозные разборки. Все никак, засранцы, не поделят чужую собственность. И когда ж это кончится? — нарушил тишину Ветров.

— Или неосторожное обращение со взрывчатыми веществами, — в тон ему ответил Гордеев. — Что случается при перевозке или хранении.

— Ты думаешь?

— Иногда.

— Да, сейчас и такое тоже бывает. Боеприпасов в нашей стране развитого бандитизма хватает. Одни глушат ими рыбу...

— Другие — друг друга. И чем их меньше, тем легче дышится работникам правопорядка. Верно говорю?

— А вот и они! Едут, родимые, — прокомментировал приближающийся лающий крик сирены Ветров. — Интересно, что же там на самом-то деле произошло?

— Хочешь пари? Если твое утверждение верно, то в следующее воскресенье я даю тебе возможность отыгаться. И соответственно кормлю и пою. Хоть и здесь. Если же прав я — никаких реваншей, ты организуешь рыбалку и варишь уху.

— Согласен. А версии узнаем из газет. Но предупреждаю: если я проиграю — рыбу ловим на спиннинг. Никакого динамита.

— Договорились. Готовь снасти.

— И все-таки это — бандитская разборка.

— Поглядим, — криво усмехнулся Гордеев, берясь за ледяную бутылку с безалкогольным пивом.

Странный гаишник

Юрий Гордеев, как обычно, принимал посетителей в юридической консультации номер десять.

Здесь, на Таганке, он бессменно работал с тех самых пор, как ушел из прокуратуры. Его рабочий день был в разгаре. Близился обеденный перерыв, час, когда можно было покинуть душное помещение и выйти на свежий воздух, хотя свежим его назвать было крайне трудно — жара в Москве не спадала, и единственным способом укрыться от городской духоты являлась возможность посидеть в каком-либо ресторанчике с хорошо работающими кондиционерами.

Гордеев перебирал свои бумаги, когда в его кабинку вошел Вадим Райский, как всегда с трубкой в руках, которую набивал только высокосортным табаком. Его почти облысевшая голова была покрыта испариной, дорогой шелковый галстук ослаблен, а верхняя пуговица на модной рубашке расстегнута.

— Как начало новой трудовой недели? — деловито осведомился Райский, доставая из кармана пиджака шелковый кисет.

— Начало... жаркое! В самом прямом смысле. Как, впрочем, и окончание прошлой.

— И не говори. Я, кажется, вот-вот погибну от какого-нибудь удара. Либо от солнечного, либо от теплового. — Райский стал вытирать носовым платком вспотевшую шею. — А кто тогда будет вести дела моих клиентов? Кстати, как у тебя сегодня с ними?

— Да так, ничего интересного. Алименты, бракоразводные процессы, принятие гражданства и восстановление на работе.

— Кстати о работе. Для поддержания трудового процесса на должном продуктивном уровне следует время от времени давать себе отдых. Ты вообще сегодня намерен обедать?

— Перекусить, пожалуй, следует. Минут через пять буду готов — разберу бумаги.

— Давай съездим в один новый ресторанчик. Это поблизости. Кухня — приличная, обстановка — прохладная. В самом прямом смысле.

Ресторанчик, в который Райский привез на своей машине Гордеева, действительно был из новых, только что открывшихся, где запах недавно законченного ремонта соседствовал с ароматами хорошей европейской кухни. Стильный дизайн придавал залу элегантность и уют, которые дополняли мягкое освещение, негромкая музыка и прохлада, создаваемая бесшумно работающими кондиционерами.

Подозвав официанта и сделав заказ, Райский привычно достал из кармана зажигалку, кисет и трубку, которую стал набивать своим дорогим табаком. Вскоре его ароматный дым уже щекотал ноздри Гордеева.

— Как провел выходные? — выпуская очередной клуб дыма, поинтересовался Райский.

— В субботу ездил на дачу к родителям. Помог старикам с урожаем клубники. Чуть ли не целое ведро заставили съесть. Думал, начнется диатез, но обошлось, — хмыкнул Гордеев. — Еще и с собой дали. Не знаю, куда девать. Тебе не надо?

— Свари варенье или компот, — подсказал Райский. — Летом холодный компот очень кстати. А у меня на участке ничего не растет.

— Ну ты же строишь дачу. А там, где строят одно, другое разрушают.

— Да, все вытоптали или закатали колесами. Не думал, что столько хлопот будет с этим строительством. Не одно, так другое. Да и жена еще. Все никак не может решить, что ей нужно. Архитектору плешь проела. Тот уже столько изменений внес в проект. И со строителями проблема. В Подмоскovie этот бизнес поделен между шабашниками из независимой Молдавии и самостийной Украины, но, видно, не до конца. Вот они друг другу и вставляют палки в колеса. А в последнее время пытаются оказывать давление и на заказчиков. Уже бывали случаи. Они

это называют борьбой за подряд. Прежде было соцсоревнование, а теперь — бандсоревнование.

— Кстати о соревнованиях. В воскресенье играл в Серебряном в теннис с Ветровым. Одолел-таки нашего чемпиона. Правда, пришлось попотеть. Силен пока для меня, но тем приятней победа.

— Выиграл? У Андрея? Ну ты даешь! Он же, я слышал, был чемпионом МГУ и входил в студенческую сборную Москвы. И сейчас играет как бог! А ты, по-моему, специализировался на другом виде спорта. На этом... на мордобое?

— Нет, старик, предела совершенству. Даже в боксе.

— Это твоему нет предела, а мой уже давно настал! — удрученно закивал Вадим. — Я старый, толстый, лысый и ленивый. Мне даже зарядку лень делать. Не то что в ваш теннис играть. Не говоря о... боксе, — опасливо хихикнул он. — Мои виды спорта спокойные и домашние. Шахматы, преферанс... — Но тут же печальные глаза его оживились — Вадим Андреевич заметил официанта, несущего заказ. А еще через минуту Райский и Гордеев уже ловко орудовали столовыми приборами и обменивались впечатлениями.

Когда с едой было покончено и оставалось выпить по чашечке кофе, за спиной Гордеева неожиданно раздался знакомый мужской голос:

— Вот уж кого не ожидал здесь увидеть!

Райский улыбался, он видел говорившего. Обернувшись, Гордеев понял, что не ошибся: перед ним стоял Ветров собственной персоной, который, как показалось Гордееву, был чем-то слегка разочарован.

— И мы тебя тоже! Легок на помине! — ответил Райский на восклицание Ветрова. — Ты-то здесь какими судьбами?

— Деловое свидание. С владельцем этого ресторанчика. Вернее, с его владелицей. У нее проблемы со страховой компанией. Ну а вы здесь как оказались?

— Голод и жажда, Андрюша, выгнали нас из чаши, — сказал Гордеев и пожал руку Ветрову. — Присядешь или спешишь?

— Присяду. У меня еще есть немного времени, хотя я пришел вовремя. А вот хозяйка заведения горячо извинялась и просила немного подождать. Какие-то срочные телефонные переговоры. Благо здесь прохладно и...

Андрей Ветров не успел договорить, так как к столику подошел официант и поставил перед ним высокий стакан с каким-то напитком, сопроводив свои действия лишь словом «пожалуйста», однако, увидев, что Ветров полез в карман, добавил:

— Это за счет заведения.

— Запиваешь горечь поражения? — спросил Ветрова улыбающийся Райский. — Чемпионы не любят проигрывать?

— Ах вот в чем дело! Уже нахвастался? — с иронией кивнул в сторону Гордеева Ветров. — Это случайность. Неблагоприятные для меня погодные условия, магнитные бури и прочие уважительные причины. Посмотрим, что скажут работники юридической консультации номер десять после матча-реванша, который, к моему сожалению, не состоится в ближайшие выходные.

— А что должно состояться в ближайшие выходные? — с интересом спросил Райский.

— Ловля рыбы и приготовление из нее ухи вот этими руками, — печально ответил Ветров и поворачивал в воздухе своими ладонями. Повернулся к Гордееву: — Юра, ты выиграл пари.

— Еще бы, — снисходительно усмехнулся Гордеев, — мы, профессионалы, знаем, что почем. Практически не ошибаемся.

— Какое пари? — вмиг загорелся Райский. — Мужики, ну-ка колитесь!

— Это тебе будет дорого стоить, — самодовольно ухмыльнулся Гордеев. — За посвящение в тайну с тебя бутылка «Камю де Мокс». Знаешь такой коньяк? Французский. И недорого, всего сорок баксов. Я в каталоге видел.

— Что такое французский коньяк, я знаю отлично. И чаще, чем ты думаешь... — обиделся Райский. — Но котов в мешке на коньяк не меняю.

— Жаль, — вздохнул Гордеев, — так, значит, и проживешь в неведении... К тому же тебе известно: скупой платит дважды.

— Что за намеки? — удивленно вскинул брови Райский. Едва речь заходила о деньгах, чувство юмора покидало Вадима Андреевича и он уже не мог адекватно реагировать на шутки.

— Ладно, ладно, не коньяк, — стараясь замаять неловкость, вмешался Ветров. — Давай полегче: нам с Юрой по бутылке «Жигулевского», и мы раскрываем тебе страшную и кровавую тайну, — и, достав из кармана пиджака, который висел на спинке его стула, свеженький номер «Московского комсомольца», помахал газетой перед самым носом Райского. — Здесь именно та информация, за которой ты охотишься. А цена ей — две бутылки «Жигулевского», — текстом из американских боевиков продолжил Ветров. — Берешь или будешь торговаться? Промедление сам знаешь чему подобно.

— Знаю — смерти от любопытства. Надо подумать. Я так понимаю, что в этой газете лишь подтверждение правоты одного из вас. А мне хотелось бы узнать и условия заключенного вами пари. Судя по ставке, спор нешуточный. А незнание сути лишает меня удовольствия в полной мере насладиться победой сослуживца.

— По-моему, Вадим прав, — вступил в разговор Гордеев. — Господина Райского, для скорейшего получения от него «Жигулевского», просто необходимо ввести в курс воскресных событий.

— Приступим, — поддержал Ветров. — Итак...

Выслушав историю заключения пари, Райский тут же забрал «Московский комсомолец», быстро нашел нужную заметку в разделе «Срочно в номер» и жадно впился в нее глазами.

«КРОВАВОЕ МЕСИВО В СПАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Вчера в 15.30 на бульваре Генерала Карбышева, что недалеко от Серебряного Бора, где любят отдыхать не только простые москвичи, но и избранные — их дачи расположены там же, — произошел взрыв. Припаркованный рядом с кафе „Минутка“ „фольксваген-гольф“ зеленого цвета и два человека, находившиеся в его салоне, были буквально разорваны на части неизвестным взрывным устройством. Они находились внутри автомобиля. По счастливой случайности других человеческих жертв не оказалось. Близлежащим зданиям нанесен небольшой урон — выбиты стекла.

Найденные в радиусе тридцати метров две оторванные кисти рук с золотыми украшениями на обугленных пальцах позволили экспертам сделать заключение, что взрыв, скорей всего, произошел от случайного замыкания ювелирными изделиями контактов неуставленного взрывного устройства, что говорит о халатности или неопытности подрывника. Мощность взрыва, по подсчетам специалистов, равняется четыремстам граммам тротилового эквивалента.

Для чего или кого предназначалось взорвавшееся устройство, предстоит определить следственным органам».

Отложив газету, Вадим Райский щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— Два пива, пожалуйста. «Жигулевского». И один апельсиновый сок, — сделал заказ Райский.

— Извините, но «Жигулевского» у нас в данный момент нет, — виновато ответил подошедший официант. — Может, чешское, немецкое, американское, голландское? — предложил он.

— Значит, ребята, в другой раз! — хитро улыбаясь, сказал Райский Ветрову и Гордееву. — Но пока, в качестве компенсации, могу предложить то же самое, что заказал себе, — сок. В нем полно витаминов. Которые очень помогут вам в предстоящем матче-реванше, — и, вновь обратившись к официанту, сказал: — Три сока, пожалуйста.

Когда официант удалился, Райский продолжил:

— Андрей, как же ты мог попасться на крючок? Разве ты не знал, с кем имеешь дело? — Вадим Андреевич укоризненно покачал головой. — Надеюсь, ваша уха будет вкусной.

— А пиво холодным, — улыбаясь, добавил Гордеев.

— Да, да, — как бы начиная раздражаться, пробурчал Райский. — Я слов на ветер не бросаю. Однако хотя ты, Юра, и угадал причину взрыва, но само по себе это событие не из ряда вон выходящих. Такое сейчас не редкость. И происходит чуть ли не каждую неделю. Поэтому, зная, можно легко прийти к определенному выводу. Так что об этом событии можете забыть.

— Согласен. Забыть-то можно. Если, конечно, не знать, что именно этот «фольксваген» отъехал за нами с пляжной стоянки в Серебряном Бору и именно он взлетел на воздух недалеко от того места, где мы с Андреем собирались перекусить.

— Ну, это очередная случайность.

— Когда случайности повторяются, это уже закономерность. К тому же именно этот «фольксваген» я дважды видел на прошлой неделе.

— Где? — быстро спросил Ветров.

— Почему ты уверен, что то была именно взорванная машина? — добавил Райский. — Мало ли в Москве зеленых «фольксвагенов»?

— Автомобилей-то много, да вот с определенным номерным знаком один.

— А откуда тебе известно, что номер взорвавшегося «фольксвагена» и номер той автомашины, которую ты видел, один и тот же? — подозрительно спросил Ветров. — Между прочим, в «Московском комсомольце» номер не указан. Или ты и ранее уже что-то подозревал, а вчерашние события стали для тебя лишь следствием, причину которого ты столь бесчестно от меня утаил? Если так, то это жульничество. И наше пари я считаю разорванным.

— Андрей, мы же тебя спрашиваем, как ты мог попасться на такой жалкий крючок? — подлил масла в огонь Райский.

— Ну, во-первых, — примирительно сказал Гордеев, — заметку в «МК» я действительно читал. Еще вчера. Купил вечером у распространителей возле метро. И потом сопоставил информацию. Вспомнил, что уже видел этот автомобиль дважды в течение одной недели.

— Андрей, — не унимался Райский, — ты ему веришь?

— Придется поверить, — ответил Юрий.

— И когда же ты ее встретил впервые? — Ветров по-прежнему недоверчиво смотрел на Гордеева.

— В прошлый вторник «фольксваген» был припаркован возле нашей юридической консультации. И именно на моем обычном месте. Это причинило вашему покорному слуге определенные неудобства. Какое-то время мне пришлось искать свободное место. В такой ситуации волей-неволей обратишь внимание на нахала. А их в машине было трое — молодые парни. С бритыми затылками, крепкими бицепсами и с якорными цепями высшей пробы на бычьих шеях. А быки всегда выделяются на фоне овечек. Единственное, что меня тогда удивило, так это машина. Обычно эти предпочитают «БМВ» или «мерседесы», а в последнее время —

и джипы. Теперь я понимаю, почему «качкам» пришлось тесниться: они не хотели привлекать лишнего внимания. Но мое внимание эти нахалы все-таки привлекли. Потом они уехали. Кстати, их отъезд совпал с уходом моих клиентов.

— С чего ты это взял? — слегка оттаяв, поинтересовался Ветров.

— Место, на которое я обычно ставлю свою машину, хорошо просматривается из окна. Сами понимаете: береженого Бог бережет. А автомобиль, на котором я нынче катаюсь, — родительский. Не хотелось бы доставлять старику неприятности. Так вот, увидев, что нахалы осваивают мое место, я вышел переставить свои «Жигули». Оказалось, что «фольксваген» с «быками» лишь немного отъехал и стоит с работающим двигателем, а клиенты, которые пять минут назад покинули мою кабинку, о чем-то разговаривают на тротуаре, стоя рядом с белой «Волгой». За ее рулем сидел пожилой водитель. Поговорив, мои клиенты сели в машину и уехали. За ними тут же укатил и «фольксваген».

— Ну а во второй раз? — допытывался до истины Ветров.

— Что — во второй раз?

— Андрей спрашивает, когда ты видел «фольксваген» во второй раз, — присоединился к Ветрову Райский. — Ведь ты его видел дважды за неделю, не так ли?

— Да. Потом я его увидел вечером того же дня. Рядом с домом, где снимаю квартиру. Когда выбрасывал в мусорный контейнер всякий хлам. Мусоропровод в стояке забился, и пришлось спускаться во двор. Как раз в это время кто-то садился в машину, стоявшую между контейнерами и входом в мой подъезд. Освещение в салоне включилось, и я сумел разглядеть пассажиров. Это были все те же утренние нахалы — их нетрудно было запомнить. Уходя, я взглянул на номер. Цифры оказались те же: «161» и буквы — «а», «е» и «у». Ну а в последний раз мы с тобой, Андрюша, видели его вчера. Пылающим на бульваре Генерала Карбышева.

— Что было, то было, — подтвердил Ветров, обращаясь к внимательно слушающему Райскому, который за время рассказа занимался своей трубкой.

— Выходит, что автомобиль ты видел во вторник и в воскресенье. Юра, а ты эту историю с «фольксвагеном» с чем-нибудь связываешь? — выпуская клуб дыма, спросил Райский. — С какими-нибудь своими старыми делами. Или с новыми? Например, с клиентами, вслед за которыми отправился этот «фольксваген»? С каким, кстати, делом они приходили?

— Да я уже думал над этим. А пришли они вот с чем...

Но рассказать о цели их прихода Гордеев не успел.

К их столику стремительной и легкой походкой подошла молодая, уверенная в себе женщина. Ее стройная фигура была элегантно упакована в светлый, но строгий деловой костюм из тонкой ткани, созданный явно известным европейским дизайнером. Выбор такого костюма говорил и о достатке его владелицы, и о тонкости ее вкуса. То же можно было сказать и о модельной обуви, подчеркивающей стройность длинных ног и тонкость лодыжек. Женщина, окинув быстрым, внимательным взглядом сидящих за столиком, поздоровалась и обратилась к Ветрову:

— Андрей Борисович, извините, что заставила вас ждать. Неожиданные телефонные переговоры. Они немного затянулись.

— Ничего-ничего, Елена Петровна, — сказал, вставая, Ветров. — У меня всегда найдется для вас необходимое время. К тому же я не скучал. Встретил своих друзей, — и он жестом показал на Райского и Гордеева. — Нам было интересно поговорить. — И тут же, укоризненно пригрозив Юрию пальцем, закончил: — Без меня не рассказывай больше никаких историй. Вечером позвоню тебе.

— Я рада, что ваша встреча произошла именно в нашем ресторане. — И женщина, слегка склонив голову, еще раз окинула взглядом сидящих за столиком. На Гордеева ее взгляд задержался чуть дольше. — Андрей Борисович, мы можем для разговора пройти в мой рабочий

кабинет, — предложила она Ветрову, а остающимся сказала: — Извините, что прервала ваш разговор. Приятного отдыха.

— Мы еще успеем наговориться. — Гордеев кивнул на прощание.

То же, чуть привстав, вежливо повторил и Райский.

Когда Ветров и Елена Петровна ушли в глубь ресторана, Гордеев сказал посасывающему потухшую трубку Райскому:

— Ну что, закончил? Продолжим как-нибудь в следующий раз.

— Да, пора, — ответил Райский, посмотрел на свои золотые швейцарские часы и подождал официанта.

На улице их ожидала неприятная неожиданность. Около новенького красного «форда» Райского стоял лысоватый пузан в милицейской форме с погонами капитана и помахивал регулировочным жезлом. На его намокшей от пота рубашке блестела номерная бляха московского гаишника. Рядом крутились какие-то люди в черно-синих спецовках с инструментами в руках. Подойдя ближе, Вадим Андреевич увидел, что колеса его автомобиля заблокированы специальными металлическими захватами, не позволявшими машине тронуться с места.

— Я что-то нарушил? — спросил удивленный Райский и показал рукой на заблокированные колеса.

— Неправильно поставили машину на стоянку, — ответил равнодушный гаишник и жезлом указал на запрещающий знак.

— Но сорок минут назад его здесь не было, — ответил пораженный Райский. — Я это точно помню! Я не мог его не заметить!

— Все так говорят, когда нарушают.

— Ну хорошо! Нарушил! Но зачем заблокировали колеса? Выписывайте квитанцию... Я, в конце концов, заплачу штраф и уеду. — Вадим Андреевич знал по опыту и по рассказам других автомобилистов, что спор в аналогичных ситуациях бесполезен.

— Не могу отпустить. Постановление правительства Москвы, — пояснил гаишник и, махнув жезлом, крикнул одному из людей в спецовках: — Подгоняй эвакуатор.

Тот стал что-то говорить в переговорное устройство.

— Сейчас подъедет спецмашина. Погрузит вашу иномарку и отвезет на охраняемую стоянку, — продолжил сильно потеющий капитан, свободной от жезла рукой промокая носовым платком пот на своей шее. — Там она и будет находиться до тех пор, пока вы не уплатите штраф за неправильную парковку и не оплатите время нахождения на стоянке. Она поблизости. За кольцевой дорогой. Оплата за стоянку — посуточная. Кстати, обычно через определенный срок неостребованные автомобили продаются с аукциона. Но вам, — гаишник насмешливо посмотрел в глаза Райскому, — это, кажется, не грозит.

— Надеюсь, что так оно и будет, — сказал понимающий Райский и попросил гаишника отойти с ним в сторону.

Гордеев, хорошо знавший о существующей в Москве неразберихе с парковкой, причиной которой были незаконные действия столичного правительства, молча наблюдал за ситуацией со стороны. Он не вмешивался в происходящий диалог гаишника и Райского, но внимательно наблюдал за рабочими, которые в ожидании прибытия эвакуатора пытались заблокировать заодно и соседние машины. Они показались ему новичками в своем деле. А их действия — какими-то неловкими. Отсутствовал у них навык обращения с блокираторами колес, который Юрий видел не раз у других работников этой сферы, проезжая по московским улицам. Да и черно-синие их спецовки выглядели неестественно свежими и чистыми для середины рабочего дня.

«И это в такую-то жару», — подумал Гордеев.

Он еще немного постоял на краю тротуара и отошел в тень ближайшего здания.

Вскоре вернулся Райский.

— Сейчас поедem, — сообщил он.

— На своих двоих или на такси? — поинтересовался Гордеев.

— Петрович, ты меня обижаешь...

— И не думал. Я так понимаю, что и капитан на тебя не в обиде?

— Пришлось...

— Номер бляхи запомнил?

— А зачем?

— Может пригодиться.

— Запомнил, — невесело ответил Райский, глядя, как снимают блокираторы с колес его «форда». Настроение у него было испорчено.

Лишь на Таганской улице упорно молчавший Райский словно очнулся:

— Юра, но ведь знака там действительно не было?

— Не было, — подтвердил Гордеев. — Но появился.

— Черт знает что творится! У меня такое впечатление, будто гаишники возят запрещающие знаки в багажнике и вывешивают их, где им захочется. Левый заработок!

— Может быть, — усмехнулся Гордеев. — На эту тему даже есть анекдот. Рассказать?

— Нет.

Райский надавил на акселератор. Двигатель «форда» прибавил оборотов, и Гордеева вжало в спинку анатомического кресла. Машина рванулась к зеленому глазу светофора. Впереди был перекресток, который Вадим Андреевич надеялся проскочить до желтого света.

— Не успеешь, — верно оценил дорожную обстановку Гордеев — он обладал большим водительским стажем.

— Пожалуй, — согласился Райский и, чтобы не выскочить на перекресток, сбросил газ и стал прерывисто нажимать на педаль тормоза.

И вовремя это сделал. Так как через несколько секунд после начала торможения неожиданно послышался металлический скрежет. Иномарку тряхнуло и, резко уведя влево, вынесло на встречную полосу, где развернуло и, едва не опрокинув после удара о бордюрный камень, выбросило на тротуар. Машину остановил коммерческий киоск.

К счастью для Райского и Гордеева, транспорта на встречной полосе в этот момент не было — горел красный свет.

— Вадик, теперь ты смело можешь участвовать в гонках на выживание, — сказал, снимая левую руку с руля, Гордеев. Юрий с первых же мгновений происшествия помогал удерживать контроль над автомобилем. — Слышал, наверное, о таких? Их еще и по телевизору показывают. Получишь всероссийскую известность.

Бледный как мел Райский молчал.

— А я буду рядом с тобой... в качестве штурмана.

Но Райский по-прежнему молчал и смотрел перед собой невидящими глазами. Его ухоженные руки в светлых лайковых перчатках крепко сжимали рулевое колесо. Сквозь узорные вырезы перчаток были видны побелевшие суставы пальцев.

— Андреич, все кончилось, — уже серьезно сказал Гордеев и отстегнул ремни безопасности — свой и Вадима. — Ты жив.

Однако вновь не увидел никаких изменений.

«Что ж, словом делу не поможешь», — подумал Гордеев и наклонился в сторону оцепеневшего водителя. Он несколько раз ощутимо пошлепал ладонью по щекам Райского и вскоре увидел его осмысленный взгляд.

— Приехали, — напомнил Гордеев Райскому и вышел из машины.

...Зеваки, как всегда, обменивались возможными версиями.

Бледные мальчики с восторгом в глазах обсуждали, что все это было покруче, чем в американских боевиках.

Сухие старушки истово крестились и, поглядывая на чистое небо, шептали: «Спаси, Господи».

Алкаши с фиолетовыми носами, обдавая друг друга перегаром, спорили, кто виноват, а кто прав — то ли автозаводы, выпускающие такие быстрые машины, то ли водители, которые покупают иномарки вместе с правами.

Пьяный бомж двухметрового роста сообщал, что все беды в России, естественно, от дорог.

Какие-то работяги гадали, во сколько встанет владельцу ремонт и отберут ли у него права.

Покинув рабочее место, продавец коммерческого ларька кавказской наружности вслух интересовался, кто возместит ему ущерб и закрасит ссадину на стене.

Две пожилые толстые тетki с авоськами в руках негромко кричали, что в этом мире все куплено, и призывали к походу на Кремль, где засел такой же алкоголик, как и водитель.

Невысокая девушка в простеньком платьице, держа над глазами ладонь козырьком, всматривалась сквозь лобовое стекло в водителя и сообщала всем: «Жив, жив».

Райский действительно был скорее жив, чем мертв. Он уже окончательно пришел в себя и вскоре покинул автомобильное кресло. Аплодисментов не последовало.

Вместе с Гордеевым Райский обошел «форд». У машины отсутствовало левое переднее колесо и была повреждена ступица, на которой оно держалось. Слегка была помята облицовка и разбита правая задняя габаритка — от соприкосновения с торговой точкой.

— Ремонт влетит тебе в копеечку, — подвел итог предварительного осмотра Гордеев.

— А ведь я только лишь неделю назад прошел «ТО-2», — сокрушенно покачал головой Райский. — И как же такое могло случиться? Сегодня утром на заправке мне подкачивали передние баллоны, и я собственными глазами видел, как слесарь заодно подтянул все гайки на колесах.

— Ты застрахован?

— Да.

— Я имею в виду машину.

— И машина. И гараж... Но он-то пока цел, — встрепенулся Райский.

— Значит, пусть страховая компания и разбирается, в чем дело. Они деньги просто так не выплатят. Семь раз отмерят... Но станцию техобслуживания советую сменить. Благо есть широкий выбор.

— Я подумаю. Может, ты и прав, — ответил Райский и, достав мобильный телефон, стал вызывать техническую «неотложку».

Вскоре к месту происшествия подъехали белые «Жигули» с большими синими буквами на капоте — «ГАИ».

Дав показания для протокола, Гордеев пешком отправился в юридическую консультацию — она находилась поблизости, — а Райский, подобрав колесо и разбросанные крепежные детали, остался ждать приезда техпомощи.

Посиделки

Вечером того же дня в квартире Гордеева зазвонил телефон.

— Привет, — сказал Ветров. — У меня есть классная рыба. Родственники привезли из Астрахани.

— Вяленая или копченая? — поинтересовался Гордеев, так как хорошо знал, к чему Ветров клонит.

— Вяленая... и копченая.

— Бери вяленую. Когда ждать?

— Минут через сорок.

— Отлично. Пиво успеет охладиться.

— Бери темное.

— Знаю.

— Это я так, на всякий случай.

— Выезжай, — закончил многозначительный диалог Гордеев.

Вернувшись из гастронома, он сунул купленное бутылочное пиво в холодильник и включил телевизор — шел матч чемпионата мира по футболу. Трансляция велась из Франции. Игра была интересная и красивая — на зеленом поле двадцать два человека в цветной форме попеременно демонстрировали особенности европейской и латиноамериканской футбольной школы. Юрий увлекся.

В спортивном азарте Гордеев не сразу расслышал звонок. Наконец оторвался от телевизора и, на ходу говоря «иду-иду», пошел открывать дверь. Однако на полпути Юрий изменил направление движения, так как понял, что звонит телефон.

Звонившим оказался Райский. Он только что закончил дела с ремонтом своего «форда» и находился недалеко от дома Гордеева. Больше у него на сегодня забот не было — все изменила дневная авария. В Москве он один, жена руководила строительством дачи и жила за городом. Дети где-то отдыхали. Настроение было паршивым, и ему хотелось снять стресс.

— Приезжай, — сказал Гордеев. — Ветров тоже должен подъехать. Будем соображать на троих.

В квартиру они вошли вместе: встретились на лестничной клетке у лифта, когда один из них уже нажимал кнопку вызова. К принесенной Ветровым рыбе Райский выставил на стол пиво «Гиннесс».

— А где наше «Жигулевское»? — поинтересовались в унисон Ветров с Гордеевым.

— С вашим «Жигулевским», пока моя машина в ремонте, я все подошвы сотру. Не было его. Дефицит какой-то...

— Не в тех местах искал, — улыбнулся Гордеев.

— Возможно, — уклончиво ответил Райский.

— А что с «фордом»? — поинтересовался Ветров.

— Сегодня, Андрюша, мы с Вадимом родились во второй раз, — опередил Райского Гордеев.

— Юра, а ты ведешь хронологию своих дней рождений? — задал каверзный вопрос Ветров. — Тех, что я знаю, наберется побольше десятка. А сколько их было на самом деле?

— Не считал. В этом вопросе я как та девушка, очень желавшая выйти замуж. Для нее каждый новый мужчина всегда был только вторым — после того, единственного, который погиб космонавтом или сгорел пожарником на работе...

— Ага, а еще замерз полярником в Антарктиде, — подхватил Ветров.

Райский тяжело вздохнул.

— Так что же с твоим «фордом», Вадим? — обернулся к нему Ветров.

Райский стал коротко рассказывать о случившемся, опустив лишь те детали, которые могли охарактеризовать его не в лучшем свете. Например, о своем оцепенении.

— Да, количество чрезвычайных происшествий в Москве растет день ото дня, — подвел черту под услышанным Ветров. — Значит, ты сейчас прямо со станции техобслуживания?

— Да.

— Они хоть как-то объяснили причину?

— Сказали, что им нужно время.

— Интересно, чем мог быть вызван отрыв переднего колеса? Юра, а у тебя есть какие-нибудь версии? Ты же все время находился рядом с ним.

— Скорей всего, халатность слесаря, — высказался Гордеев.

— Я уже говорил и тебе, и майору, составлявшему протокол происшествия, — поморщился Райский, — что собственными глазами видел, как сегодня на автозаправке слесарь, подкачавший мне баллоны, заодно и подтянул гайки на колесах. Вряд ли бы он на моих глазах рискнул схалтурить. Здесь что-то другое. А что — не знаю. Я не специалист.

— Тем более если ему заранее известно, чем это может закончиться. И для водителя машины, и для слесаря, — поддержал Ветров.

— Следствие продвигается, — улыбнулся Гордеев. — Но с пивом, да еще под хорошую рыбу, оно неминуемо пойдет по верному следу. Вадим, доставай стаканы. Они в том узком шкафчике. А ты, Андрей, займись рыбой. Я за пивом.

С кухни Гордеев вернулся с небольшой плетеной корзинкой в руках. Из нее, как ружейные стволы, торчали бутылочные горлышки.

— Чтoб хоть какое-то время не отвлекаться. Остальное в холодильнике, — ответил Юрий Петрович на вопросительные взгляды приятелей. — Мне кажется, что нынешний вечер будет посвящен анализу событий дня. — Он поставил корзинку на журнальный столик. — Разбейте пиво.

Затем вставил кассету в видеомэгнитофон, запрограммировал его на запись футбольного матча и выключил телевизор, но, подумав, включил радиоприемник и настроил на какую-то волну.

— Посмотрю позже, — объяснил он свои манипуляции с техникой и подсел к остальным. — Вы же футбол не любите. Будем слушать радио.

— Вадим, а после заправки ты еще куда-нибудь заезжал? — спросил Ветров, после того как выпил несколько стаканов подряд и утолил жгучую жажду. — Может, где-то оставлял машину без присмотра. Колеса в Москве воруют не только ночью. Днем тоже.

— Нет. Времени не было. Сразу же после заправки — на работу. Машину поставил под окном своего кабинета.

— Пример господина Гордеева оказался заразительным?

— Береженого Бог бережет, — подтвердил, усмехаясь, Гордеев. — Мне тоже, можно сказать, повезло: жив остался.

— Потом мы с Юрой поехали обедать в тот ресторанчик, где ты нас встретил. Затем опять в контору. Ну а по пути туда все это и случилось.

— Машина оставалась без присмотра минут сорок. Столько мы находились в ресторане, — подытожил Гордеев. — Плюс к этому какая-то бригада эвакуаторов прямо на наших глазах возилась с колесами «форда».

— Они навесили свои блокираторы на колеса и собирались транспортировать мою машину на какую-то платную стоянку, — обиженно произнес Райский.

— Постановление правительства Москвы? — риторически спросил Ветров.

Райский кивнул.

— Пришлось договариваться с гаишником, — продолжил Вадим.

— И что, Андрей, самое интересное в этой ситуации, — заметил Гордеев, — это то, что сначала, когда Вадим парковал машину, никакого знака, запрещающего стоянку, не было, а потом, когда мы вышли из ресторана, он вдруг появился... Вместе с бригадой эвакуаторов...

— И гаишником, — добавил Райский. Ему было жаль денег, ушедших на взятку блюстителю дорожного порядка.

— И если версия об ослабленных гайках подтвердится, — продолжил свою мысль Гордеев, — это значит, нельзя исключить, что кто-то из них и мог над ними поработать.

— Представитель страховой компании этим уже занимается, — сделав глоток пива, сказал Райский. — Кстати, он забрал гайки — для экспертизы. Хочет проверить качество металла. Говорил, что сейчас часто встречается некондиционный крепеж. Везут из Азии, а продают как европейский. Чаще всего выдают за германский...

— Надо бы и пузана гаишника проверить. Что-то тут не то, — задумчиво произнес Гордеев.

— Не плохо бы. А то мимо этих хапуг в форме ни пройти ни проехать. Номер его бляхи я пока не забыл, — оживился Райский. Он вновь вспомнил о зря потраченных деньгах.

— Придется просить помощи у Турецкого. Если Александр Борисович в Москве, он поможет. Но по пустякам к нему обращаться не стоит. Подождем немного. — Юрий стал складывать в корзинку пустые пивные бутылки и отправился на кухню. Погребел в холодильнике посудой. А когда вернулся в комнату, из плетеной корзинки опять торчали стволы непечатых пивных бутылок, покрытых испариной.

— Да, остается дожидаться результатов экспертизы, — откупоривая очередную бутылку, проговорил Ветров. — До чего ж люблю холодненькое!

— А я — отличную рыбу! — заслуженно оценил Райский гостинцы из Астрахани.

— Ну а мне, — заключил Гордеев, — нравится и то и другое.

— Так. Поехали дальше. На чем мы в ресторане остановились? — напомнил Ветров. — Ты говорил о каких-то клиентах, из-за которых в Москве взлетают на воздух зеленые «фольксвагены-гольф».

— Точно! — подтвердил Райский.

— А приходили они вот с чем... — начал Гордеев.

Но тут глухие, тяжелые удары прервали его рассказ. В дверь квартиры Гордеева стучали. Сильно, настойчиво и без перерыва. С каждым разом удары становились все сильнее и сильнее. Казалось, что дверь вот-вот будет разнесена в щепки.

— Что это? — спросил встревоженный Райский.

— Пойду посмотрю, — недоуменно пожал плечами Гордеев.

— Может, лучше позвонить по 02? — не успокаивался Райский.

— Или еще лучше — 911, — то ли шутя, то ли всерьез предложил Ветров.

Удары не прекращались, и нужно было что-то решать.

Гордеев пошел к входной двери.

— Я с тобой, — сказал Ветров и направился за ним.

— А как же я? — удивился Райский. — Как пиво пить — так втроем, а как к дверям идти — так вдвоем?

Пока Райский шел к дверям, все уже закончилось. Стук прекратился. Он услышал, как дверь распахнулась и в квартиру Гордеева ворвалась отборная смачная ругань. Однако тут же прекратилась. В дверном проеме он увидел двухметрового амбала. Тот покачивался из стороны в сторону и удивленно таращил мутные глаза. В левой руке у него была авоська. Из ее ячеек торчали листья ананаса и две бутылки водки. Одна из них была заткнута куском газеты.

— А где Маня? — зловеще спросил он. — Вы чего, гады, хором здесь делаете?

Гордеев, Ветров и подошедший к ним Райский молчали. Они рассматривали гостя.

— Фраера, где Маня? Маня, сука, убью! Выходи! — грозно приказал он, но в квартиру войти почему-то не решился.

Гордеев, Ветров и Райский по-прежнему молчали, уставясь на него.

— Вы что, мужики, глухонемые? — все больше удивлялся и одновременно с этим успокаивался амбал. — Пить будем?

Он засунул свободную руку в авоську и вытащил из нее початую бутылку водки. Зубами вытащил бумажную затычку и, пробурчав что-то невнятное — газета оставалась в его зубах, — протянул бутылку. Однако тут же отдернул руку. Визгливый женский голос, донесшийся с нижнего этажа, матом сообщил амбалу, где находится его Маня...

— А приходили они вот с чем... — уже в третий раз за день начал продолжение своего рассказа Юрий Гордеев.

В прошлый понедельник к нему пришли двое посетителей. Один из них назвался Владленом Раппопортом, другой — Владимиром Чупровым. Оба бывшие сотрудники фирмы «ВДП». Фирма названа в честь Владимира Дмитриевича Перетерского — доктора химических наук, который всю жизнь работал над идеей создания самого крепкого в мире волокна. И он создал это химическое волокно и назвал его «перлар». Теперь это волокно уже известно. Оно действительно считается самым крепким в мире. Инициалы изобретателя перлара и составляют название фирмы — «ВДП», которая в настоящее время занимается не только производством и сбытом этого волокна, но и является почти монопольным поставщиком спецформы для Российской армии. Форма, естественно, шьется из перлара. В перспективе поставки для армий стран СНГ, а может быть, — кто знает? — и для армий западных стран.

Основателем фирмы является Невежин Федор Евгеньевич, 1954 года рождения. Кандидат экономических наук. Окончил Институт народного хозяйства имени Плеханова. Именно он нашел Перетерского и предложил тому открыть совместное дело. Они разделили обязанности. Перетерский занимается разработкой и усовершенствованием химического волокна. Невежин берет на себя организацию производства и сбыт готовой продукции.

Владлен Раппопорт и Владимир Чупров, которые явились в юридическую консультацию на той неделе, тоже стояли у истоков создания фирмы «ВДП». Они одни из первых, кого привлёк тогда Невежин. Позже, когда понадобились большие деньги, Невежин обратился с просьбой о финансировании создаваемой им фирмы к некоему Эдуарду Владимировичу Поташеву. Они ровесники и знают друг друга с детства, друзья. Поташев учился с Невежиным не только в одном классе, но потом и в одном институте. Он, как и Невежин, кандидат экономических наук. Но, в отличие от Невежина, у Поташева были необходимые деньги. Он раньше Невежина перешел от теории к практике и уже успел хорошо подзаработать. Поташев дал Невежину согласие участвовать в бизнесе, но выставил одно условие: пятьдесят один процент акций предприятия будет принадлежать ему. Невежин согласился на условие друга, по-видимому не особо вникая в суть проблемы. Короче, дело закипело. Поташев занял пост президента компании, Невежин — вице-президента, а Перетерский стал руководить лабораторией, которая к настоящему времени выросла до размеров небольшого института, и остался единственным владельцем формулы перлара. Формула этого волокна является ноу-хау, то есть его собственным секретом.

— Так вот. Теперь о самом главном, — продолжил свой рассказ Гордеев. — Недавно Перетерский, изобретатель перлара, был найден мертвым в своей лаборатории. Он был убит. Несколько пулевых ранений. Все являются смертельными. Два в грудь, одно в голову — контрольный выстрел. Последнее говорит о заказном убийстве. В организации убийства подозревается Невежин. Следователь, который ведет это дело, добился у прокурора санкции на его арест. Невежин сейчас сидит в Бутырках.

Гордеев сделал несколько жадных глотков и продолжил:

— Приходившие в консультацию Чупров и Раппопорт просили взять на себя защиту Невежина.

— Ты согласился? — спросил Ветров.

— Я пока не дал окончательного ответа. Просители утверждают, что он не виновен. Считают, что дело сфабриковано Эдуардом Поташевым и его окружением... Но кто знает?.. Хотя это, по-моему...

— Для адвоката это, кажется, не должно иметь значения?.. — напомнил Ветров Гордееву.

— Да. Знаю. Но я все-таки не тороплюсь с ответом. Хотя если воскресный взрыв «фольксвагена», что крутился у консультации, а позже у подъезда моего дома, как-то связан с этим делом, то оно обещает быть чрезвычайно интересным...

— И наверно, денежным? — подхватил Райский вечную для него тему. — Гонорар-то они обещают приличный?

Профессиональный интерес адвоката

Несмотря на посиделки, Юрий Петрович Гордеев проснулся раньше обычного и позволил себе немного поваляться в постели. По утрам, когда на то было время, он любил слушать гомон городских птиц, который через распахнутое окно проникал в его спальню. Это помогало собраться с мыслями и правильно распланировать предстоящий день. О начале очередного рабочего дня ему вскоре и напомнил своим комариным писком электронный будильник.

Первая чашка кофе привела Гордеева в нужное состояние, а контрастный душ и жесткое махровое полотенце добавили бодрости. Легкий завтрак и еще одна чашка кофе придали организму дополнительные силы.

На работу Юрий Гордеев приехал вовремя и в хорошем расположении духа. Упрямой походкой он прошел от стоянки, где оставил синие «Жигули», в двери юридической консультации номер десять. Внутри, у входа в его кабинку, уже сидели люди. Они ожидали начала приема. Среди посетителей он заметил знакомое бледное и густо усыпанное веснушками лицо. Это был Владлен Раппопорт, не сводивший с Гордеева напряженного взгляда. В его голубых глазах читались немой вопрос и надежда. Гордеев бегло осмотрел остальных клиентов.

— Пожалуйста, прошу первого, — на ходу сказал Гордеев и вошел в кабинку.

Первым посетителем как раз и оказался Раппопорт.

Это был упитанный мужчина среднего роста и среднего же возраста. На его большой голове сквозь рыжеватые курчавые волосы можно было разглядеть намечающуюся плешь.

— Добрый день, Юрий Петрович, — поздоровался вошедший.

— Здравствуйте, Владлен... — Гордеев слегка помедлил, стараясь вспомнить отчество клиента.

— Семенович, — подсказал Раппопорт.

— Прошу, Владлен Семенович, — Юрий рукой указал на стул.

— Спасибо.

Стул под весом Раппопорта жалобно скрипнул.

— Вы сегодня один? Без вашего товарища?

— Да, — грустно и со вздохом ответил Раппопорт. — Чупров в больнице.

— Что с ним? Наверное, плохо переносит такую жару? Синоптики обещают в ближайшее время похолодание и дожди.

— Нет. С этим у него все в порядке. К жаре он привык, родился в Самарканде. Летом там столбик термометра ниже тридцати не опускается.

Раппопорт замолчал.

Гордеев вопросительно смотрел на клиента. Тот молчал, и пауза затягивалась. Наконец сказал:

— Владимира избили.

— Как это произошло?

— Поздно вечером выгуливал свою овчарку в скверике рядом с домом. Поблизости остановилась легковая машина. Вышли трое. Что-то спросили или попросили — Владимир не помнит. Короче, привязались.

— Может, резко ответил?

— Он никогда никому не грубил. Со всеми разговаривал вежливо.

— И собака не помогла? Это же сторожевая порода.

— Овчарке прыснули в нос слезоточивый газ. Из карманного баллончика. Сейчас такие у многих... Носят для самообороны... — Раппопорт горько усмехнулся, — и, как оказывается, для нападения тоже. К тому же собака была в наморднике. Все произошло столь неожиданно... Владимир не успел отдать никакой команды.

— Жаль... Как он себя чувствует?

— Уже поправляется. У него средние телесные повреждения.

— Когда это случилось?

— На прошлой неделе. В тот же день, когда мы с Владимиром приходили к вам на прием. Если вы о нем помните, конечно.

— Прекрасно помню. То было в позапрошлый понедельник... — Гордеев задумался. — Скажите, Владлен Семенович, — продолжил Юрий, — ваш товарищ не запомнил машину, из которой вышли нападавшие?

— О том же Чупрова в больнице спрашивал и милиционер. Но Владимир ничего, кроме цвета машины, не помнит. Он плохо разбирается в современных автомобилях. Сказал лишь, что была иномарка темного цвета.

— Темного?

— Да. Володя нарисовал ее очертания — насколько сумел вспомнить. Об этом его тоже попросил работник милиции.

— Это что-то прояснило?

— Представитель милиции называл какую-то марку. Сказал, что очень похоже.

— Вы присутствовали при этом?

— Нет. Володя мне пересказал разговор.

— Он вам не сказал, что предположил работник милиции?

— Говорил, что какое-то длинное двойное название, связанное с иностранной спортивной игрой.

Гордеев задумался. В его голове заработал компьютер, прокручивавший на экране памяти логотипы и названия автомобильных заводов.

— Чупров сказал, что милиционер еще усмехнулся и добавил: игра богачей.

— Игра богачей... игра богачей... Интересные ассоциации у работников правоохранительных органов.

— Володя сказал, что это слово напомнило ему о географии. Оно созвучно названию какого-то теплого течения.

— А мне это напоминает разгадывание кроссвордов. Только там отгадывающему точно известно количество букв, составляющих неизвестное слово.

— Может, Гольфстрим?.. — предположил Раппопорт и замолчал. После секундной паузы он продолжил: — Но я, Юрий Петрович, к вам пришел не за этим.

— Я понимаю. Вы хотите услышать мой ответ на ваше предложение? Могли бы просто позвонить и не тратить времени на дорогу.

— Мог бы... Но мне почему-то захотелось видеть при этом ваши глаза.

Раппопорт вопросительно замолчал.

— Я берусь за ваше дело, — сказал Гордеев, который не любил зря тянуть время. — Вернее, не за ваше, а за дело Невежина Федора Евгеньевича. Детали мы обговорим позднее.

— Федор Евгеньевич пока еще является вице-президентом, и сорок девять процентов акций фирмы «ВДП» принадлежат ему. Думаю, что гонорар вас не разочарует.

— Я берусь за это дело не только ради денег, но и еще по одной причине. Не скрою, оплата моих трудов стоит для меня не на последнем месте. Но в данном случае затронуты не только мои материальные интересы... Здесь присутствует и профессиональный интерес. Люблю, знаете ли, трудные дела.

— Спасибо, что не отказались.

— Буду рад помочь.

— Сделайте все возможное... Невежин человек честный. Я в этом уверен. Его просто подставили. Узнать кто — это в ваших силах... и в наших интересах.

— Я постараюсь сделать даже невозможное.

— Защитите невиновного. Он призывает вас на помощь.

— Вы знаете латынь?

— Этот мертвый язык сейчас знают только немногие филологи и специалисты-медики...

— Иногда и юристы!

— Почему вы об этом спросили?

— Потому что вы попали в самое яблочко. Слово «адвокат» происходит от латинского *advocare* и означает — «призывать на помощь».

— Не знал...

В этот момент за шторкой кабинки, в которой Гордеев вел прием, кто-то громко закашлял, напоминая беседующим, что сегодня есть и другие посетители, что здесь очередь.

— Итак, Владлен Семенович, я берусь защищать Федора Евгеньевича. Детали мы с вами еще обговорим — не сегодня, если это возможно. — Гордеев хотел дать понять посетителю, что время, отпущенное на него, у адвоката истекло, там, за шторкой, ждут другие. — Вы меня извините, просто какой-то наплыв клиентов! А наше соглашение я официально оформлю чуть позже, во второй половине дня. Нам же необходимо еще и согласие Невежина. Вот я и подъеду завтра с утра в Бутырки.

Раппопорт поднялся и понимающе покивал:

— Еще раз спасибо, что не отказались. Всего вам доброго.

Гордеев тоже ободряюще кивнул ему вслед.

Но когда Раппопорт отодвинул шторку кабинки, Гордеева осенило:

— Гольф! — неожиданно выкрикнул он.

— Что? — обернулся Владлен Семенович.

— Теплое океанское течение называется «Гольфстрим»?

— Да.

— Значит, игра аристократов и богачей называется «гольф»!

— Тогда как же называется автомобиль?

— Я бы сказал, что он так назывался. Теперь и у меня есть основания думать, что это груда обугленного металла.

— Не понял.

— Машина была марки «фольксваген-гольф». Это одна из последних моделей известного германского концерна.

— А-а, народный автомобиль?

— Слышали о таком?

— Естественно!

— «Немецкий концерн „Фольксваген“ скупает заводы английского „Роллс-ройса“», «Будет ли народ Германии ездить на машинах аристократов из Англии?» — процитировал газетные заголовки Гордеев.

— Все верно, — невесело улыбнулся Владлен Семенович. — Вот вы уже и идете по следу... Но не буду более занимать ваше время.

Раппопорт еще раз попрощался с Юрием, уже кивком, и покинул кабинку, рядом с которой, нетерпеливо ерзая на жестких стульях, ожидали приема несколько человек.

— До свидания, — в свою очередь попрощался Юрий Петрович. — Следующий, пожалуйста.

После обеденного перерыва Гордеев оформил соглашение на защиту Невежина, но приступить к работе решил с завтрашнего утра, с посещения СИЗО № 2, как официально именовалась Бутырская тюрьма, где содержался Невежин. Тот должен был дать свое официальное согласие на защиту. А сегодня вечером должна была прилететь из Болгарии, где проводила свой ежегодный отпуск, Стелла Рогатина — подруга Юрия, или, как говорят в Штатах, его герл-

френд. Стелла почему-то любила отдыхать в этой небольшой бывшей братской стране. Черное море там, как ей казалось, было теплее. Сервис, по сравнению с нашим Черноморским побережьем, был намного выше, а цены за те же услуги — ниже. Не было там пока еще в массовом исполнении постсоветского жлобства. Правда, в последние годы и оно было частично привнесено бывшими советскими гражданами, заработавшими свои первые большие деньги на торговле турецким или китайским ширпотребом. Но все это наличествовало на широко известных курортах, типа «Золотых песков» или «Албены». Стелла же выбирала места потише. Она сняла комнату со всеми удобствами в небольшой рыбацкой деревушке, удаленной от хорошо разрекламированных международных зон отдыха. Деревня эта находилась на берегу моря и по российским понятиям напоминала маленький поселок. Дороги в ней были заасфальтированы. Двух- и трехэтажные домики выбелены мелом. По вечерам на открытых террасах этих домов сидели жители деревни и, попивая прохладную ракию, обсуждали жизненные проблемы со своими городскими родственниками или редкими здесь квартирантами. Отдыхали в поселке в основном представители болгарской богемы: актеры, певцы, литераторы, которым хоть на время хотелось отдохнуть от своей известности. Об этой деревушке Стелла Рогатина узнала от своей болгарской подруги Роксаны, с которой когда-то училась в Московской консерватории. Именно она и пригласила Стеллу в это тихое местечко. Подруги из-за частых гастролей и прочих жизненных обстоятельств не виделись со дня окончания консерватории, но регулярно перезванивались. Сейчас Роксана пела главные партии в софийском оперном театре. Карьера же Стеллы не сложилась, хотя ей и пророчили блестящее будущее. На оперной сцене Стелла пробыла недолго. Первая ее любовь оказалась бурной и непродолжительной, после чего у Стеллы остались дочь и два штампа в паспорте. Один — о замужестве, второй — о разводе. Голос у певицы пропал — результат нервного шока. Стелла ушла из театра, вообще покинула оперную сцену. Однако надежда на то, что она вновь будет петь, оставалась. Врачи обещали ей: «Через два-три года голос может восстановиться». Стелла стала преподавать вокал в одном из музыкальных училищ Москвы. Она не хотела уходить из профессии, да и делать что-либо иное она не умела — в пении была вся ее жизнь. А после рождения ребенка — и в дочери.

Через три с половиной года после нервного срыва, повлекшего за собой потерю голоса, Стелла опять начала петь. Сразу возвращаться на оперную сцену она не решилась, но потребность петь перед слушателями осталась. И Стелла стала петь в ресторане. Репертуар ее включал и классические оперные партии, и джазовые импровизации, и шлягеры попсовых певцов — звезд современной российской эстрады. Классику и джаз Стелла пела в первом отделении, а во втором, когда уже хорошо подвыпившим клиентам ресторана желалось танцев, — попсу. Причем последнее она пела значительно лучше самих звезд.

Обо всем этом Юрий Гордеев знал от самой Стеллы, в жизнь которой он нечаянно вошел год назад и, как призналась ему сама Рогатина, в очень непростой для нее жизненный период.

По дороге в аэропорт Юрий Гордеев, сидя за рулем старенького отцовского «жигуленка», размышлял о том, кем для него является Стелла Рогатина и какое место в его жизни она занимает. Однако так и не пришел ни к какому выводу. Времени, потраченного на дорогу, явно не хватило для решения такого непростого вопроса.

Подъезжая к бетонно-стеклянному зданию, на крыше которого маячили трехметровые синие буквы «Шереметьево-2», Гордеев понял, что место для парковки будет найти нелегко. Сотни легковых автомобилей и микроавтобусов разных марок и расцветок стояли, прижавшись к обочине. Просвета между ними, куда мог бы втиснуться «жигуленок», не было. Так здесь бывало всегда, когда ожидался прилет большого количества самолетов из разных стран мира.

Однако Юрий Гордеев все же решил попытать счастья и медленно покатил вдоль вереницы припаркованных автомобилей, ища свободное место. И ему повезло. Впереди, метрах в

пятидесяти, выпустив из себя сизые клубы дыма, отъехал от обочины красный «опель-кадет». Юра нажал на газ и воткнул свой автомобиль в образовавшуюся брешь.

— Кто ищет — тот всегда найдет! — радостно произнес он и, прихватив купленный по пути букет, вышел из машины.

Вскоре он уже стоял в зале прилета и глазами искал на черно-желтом табло номер рейса, которым должна была прилететь Стелла Рогатина. В этот раз она отдыхала без дочери. Бывший ее муж взял ребенка с собой на гастроли, решил показать дочери мир. Театр, в котором когда-то пела с мужем Рогатина, этим летом гастролировал в Европе.

Приземление Ту-154, следовавшего по маршруту Варна — Москва, ожидалось с минуты на минуту. И Юрий подошел к плотной толпе встречающих. Пройти сквозь нее было невозможно. Народ прилип к стеклянной перегородке, отделявшей зону таможенного и паспортного контроля от зала ожидания, кто-то, вытягивая шею и становясь на цыпочки, пытался высмотреть родных и близких, у других в руках находились таблички с надписями, сделанными на разных языках. И вся эта людская масса перемещалась с места на место, дышала и потела.

— Какой самолет прилетел? Какой самолет? Вы не знаете какой? — услышал прямо за своей спиной чей-то взволнованный голос Гордеев.

Ответа не последовало.

— Какой самолет прилетел? Какой?.. — послышался тот же вопрос, но уже где-то слева от Юрия.

Гордеев обернулся. В пяти метрах от себя он увидел невысокого полноватого человечка с лысиной на затылке. Тот растерянно озирался. По его виду можно было легко догадаться, что он впервые встречает кого-то из-за границы и то ли от волнения, то ли от радости, а может, и от жары забылся и не знает, что делать дальше.

— Сюда все прилетают, — смиростивился кто-то из толпы. — В центре зала есть табло. На нем все написано.

— И справочная есть... — добавил кто-то другой.

Человечек открыл было рот, но, так и не сказав больше ни слова, кивнул, развернулся и бросился к центру зала.

Гордеев проводил его глазами.

«Ошалел, наверное, от счастья», — подумал он, но уже через секунду другой голос, раздавшийся опять же у него за спиной, изменил течение его мысли.

— Вот уж не думала, что меня будут встречать, повернувшись спиной, пусть даже и очень-очень широкой, — услышал Юрий знакомый голос.

Обернулся и обомлел. Перед ним стояла Стелла. Конечно, она, но... немного другая.

Две недели, которые Рогатина провела на болгарском черноморье, изменили ее внешность. Она слегка похудела, покрылась ровным бронзовым загаром, ее длинные русые волосы выгорели и стали совсем светлыми. От ежедневных дальних заплывов улучшился мышечный тонус — Стелла построинела, ее талия стала осиной. Последнее отметил не только восхищенный Гордеев, но и несколько человек ближневосточной наружности. Они рассматривали ее масленистыми, липкими глазками и звонко цокали языками: Стелла была в опасно коротком шелковом платье с открытой спиной.

— Или ты встречаешь кого-то другого? — спросила она, внимательно глядя на растерявшегося Юрия. В глазах была напускная строгость. Однако через секунду Стелла не выдержала и рассмеялась. Замешательство Гордеева ее позабавило.

— Это тебе, — сказал, улыбаясь, Гордеев и вручил Стелле букет.

Она звонко чмокнула его в щеку и повисла у него на шее.

— Тебе не тяжело? — поинтересовалась лукаво.

— Ты — ноша, которая не тянет...

— Пока... не тянет, — улыбнулась Рогатина.

В машине Стелла рассказывала о своем отдыхе, и ее рассказ был хаотичен. В нем нельзя было углядеть хотя бы какую-то последовательность. Случившееся с ней в начале поездки смешалось тем, что происходило в конце. Время от времени она повторяла: «Жаль, что ты этого не видел».

— Ну а как в Варне? — где-то уже на полпути к Москве поинтересовался Гордеев.

— Как в Одессе. Полно наших. Русская речь на каждом шагу...

— И русский мат... — рассмеялся Гордеев.

— И русский мат, — согласилась Рогатина.

— Куда ж без него!

Стелла уже собиралась продолжить начатый рассказ, но случилось неожиданное. Машину Гордеева, ехавшего в среднем ряду, нагнали два джипа — черный и красный. Вездеходы поравнялись с его автомобилем и стали как бы сжимать его с двух сторон, сближаясь бортами. Словом, взяли в «коробочку». Вот они уже приблизились почти вплотную. Их затемненные боковые стекла опустились, а из образовавшихся амбразур наружу высунулось по крупнокалиберной узколобой голове. Стриженные под ноль. Каждая из них по своей неокруглости могла запросто сойти за деформированный колобок. Ко всему прочему, «колобки» были в темных очках.

— Почем жестянка? — проорал тот, что высунулся из черного джипа. Он сильно постучал ладонью по крыше «Жигулей».

Гордеев неотрывно смотрел на дорогу. Он был сосредоточен и спокоен.

— Может, продашь?

Стучавший идиотски заржал, а потом повернулся и что-то возбужденно стал говорить внутрь салона.

— Садись к нам, красавица! — закричал «колобок» из красного джипа. — С нами быстрее!.. У нас длиннее!..

Он так же, как и предыдущий, постучал по крыше «Жигулей» и так же тупо и самодовольно изобразил дикое веселье.

Услышав повторный стук со стороны, где сидела Стелла, Гордеев сбавил газ и включил левый поворот.

Оба джипа, не снизив скорости, а может, даже и прибавив, стали удаляться. Вскоре они исчезли из виду.

— Да как же тут обойтись без русскогомата?... — сказал задумчиво Гордеев и вновь нажал на акселератор...

Поздно ночью в Москве, в квартире Гордеева, засыпая на широкой и мускулистой груди Юрия, Стелла сказала:

— А ведь я сегодня немного испугалась за нас.

— Спи, — тихо ответил ей Гордеев. — Ты просто устала от перелета.

— Да. Наверно, устала... — согласилась она. Блаженно улыбнулась, потерлась щекой о его плечо и добавила: — Но только совсем не от перелета...

Райский входит в дело

— О, кого я вижу! Кто к нам наконец пришел! — такими словами встретил Вадим Райский Гордеева, когда тот во второй половине дня появился в юридической консультации.

Райский столкнулся с Юрием в коридоре, он только что покинул кабинет заведующего консульцией.

— Зайдем ко мне? — предложил он и кивком показал на свою кабинку.

— Моя ближе, — выдвинул контрпредложение улыбнувшийся Гордеев.

— Не спорю.

— Так где ты пропадал? — начал Райский, когда шторка кабинки Гордеева была задернута, а Юрий уселся в свое кресло. — Я тебя с утра жду.

— Дела, — ответил Гордеев.

— Семейные? — с хитрой ухмылкой спросил Райский и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Как Стелла? Встретил?

— Все хорошо. Загорела. Отдохнула. Прекрасно выглядит.

— Да и ты, вижу, неплох. Даже цвет лица изменился. Отоспался?.. Или это следы трудов праведных?

— Валяй смейся! А я, между прочим, с раннего утра на ногах.

— Я думал, что ты взял небольшой тайм-аут... ну в связи с приездом Стеллы.

— Это у нашего играющего тренера? Как же, возьмешь у него!

— Да, Генрих Афанасьевич — не сахар...

— У него на первом месте работа. А потом все остальное. В том числе и личное. К тому же сейчас, как бы ни хотелось, мне будет не до отпусков. В Бутырках был, — перевел Юрий разговор на другую тему, — встречался с Федором Небезиным.

Райский удивленно вскинул брови.

— Да я ведь уже рассказывал вам с Ветровым!

— Я помню, — ответил Райский и, немного помедлив, продолжил: — Ну и что решил? Ты взялся за это дело?

— Да.

— Гонорар, наверное, устраивает?

— Тебя интересует количество нулей?

— Только до запятой... только до запятой.

— Вадим, ты же знаешь, что не очень прилично интересоваться суммами чужих гонораров. А на Западе с тобой бы вообще перестали здороваться! — Гордеев хитро посмотрел на Райского.

Вадим Андреевич не выдержал взгляда Юрия и рассмеялся:

— Но мы же не на Западе. Это во-первых!

— А во-вторых?

— А во-вторых, ты не думал, что я могу тебе пригодиться? Если, конечно, ты считаешь, что мой опыт может оказать тебе определенную помощь. Мы же вели дела совместно! И если мне не изменяет память, ни одного не проиграли.

— Да, это так, но...

— А ко всему прочему, — перебил Райский возможное возражение коллеги, — ничего серьезного на текущий момент я не веду, а вот дачу хотелось бы закончить до осени. Поэтому, если гонорар приличный, мы с тобой могли бы... объединить усилия. Ты не против?

— Про машину свою забыл. Ее тоже надо ремонтировать, — напомнил Юрий.

— Ну вот видишь! — Райский сокрушенно развел руками. — Кстати о машине. Собственно, из-за нее я и искал тебя весь день.

- Случилось что-то еще?
- Да как сказать... Скорее прояснилось. Есть новости от страховой компании.
- Хорошие?
- Один из нынешних боссов отечественного телебизнеса как-то сказал: «Новости не могут быть хорошими».
- И все же?
- Давай лучше поговорим о твоём новом деле.
- Точнее, о гонораре? Это тебя больше всего интересует, не так ли?
- Хватит издеваться! — помрачнел Райский, известный своей страстью к деньгам, которых ему вечно не хватало. — Если ты полагаешь, что обойдешься без меня, — пожалуйста...
- Заметь, я еще не сказал «нет»! — И Гордеев примирительно рассмеялся. — Ты, Вадим, всегда как-то болезненно реагируешь, когда речь заходит о гонорарах. И потому не чувствуешь товарищеской шутки.
- Лишь когда речь идет о деньгах, которые могут стать... могут стать...
- Могут стать твоими, — миролюбиво подсказал Юрий. — И я думаю, что в данном случае часть из них может действительно стать твоей.
- Так «да» или «нет»?
- Гордеев для большего эффекта выдержал нужную паузу.
- Ну хорошо, Вадим, пусть будет «да». Я и сам собирался предложить тебе взяться со мной за это дело. Одному, конечно, хорошо, но вдвоем быстрее. На то у меня тоже есть свои причины. Хочу поскорее закончить и, пока еще лето, успеть съездить куда-нибудь со Стеллой. Отдохнуть...
- Ну, так чего ж тогда мы тянем резину? — обрадовался ходивший из угла в угол Райский. — Приступим к делу?
- Он наконец остановился и сел на стул.
- Приступим, — сказал Гордеев. — Суть этого дела ты помнишь?
- Райский утвердительно кивнул.
- Так вот. Сегодня я был в Бутырках.
- Ты говорил: встречался с Невежиным...
- Да.
- Ну и как первое впечатление от клиента?
- Приятный, интеллигентный человек.
- У него самого есть какие-нибудь предположения? Он подозревает, кому было бы выгодно упечь его за решетку?
- Его уже упекли. И мое дело вытащить его оттуда.
- Наше, — напомнил Райский.
- Что? — переспросил Юрий.
- Я поправляю: это теперь уже наше дело.
- Ну да, и наше дело вытащить его оттуда, — согласился Гордеев.
- Так он кого-нибудь подозревает?
- Утверждает, что понятия не имеет, кому могло понадобиться его подставлять.
- Может, он что-то скрывает?
- Не думаю. Какой ему смысл?
- И то верно... Но тогда придется труднее нам.
- Райский вытащил из кармана свою курительную трубку, но, повертев в пальцах, вновь вернул в карман.
- А что есть против Невежина? — спросил он.
- Основными доказательствами его виновности являются показания наемного убийцы по фамилии Котов. Он утверждает, что убил Перетерского по заказу Невежина.

Райский удивленно вскинул брови.

— Он что же, сам пришел в отделение милиции и заявил: «Ребята, я — тот, кто вам нужен».

— Нет, конечно, — ответил Гордеев. — Это было бы смешно! Раскаявшийся преступник помогает органам правосудия на почве тотального патриотизма.

— Да, похоже на американский детектив. Но у нас любят смотреть другое кино.

— Ты прав. Надо будет обязательно узнать, как он сделал свое признание. Что его побудило? На эту тему у нас с Невежиным разговора не было. Да, по-моему, он и сам этого не знает.

— Ты представь: самого себя подводить под «вышку»! Тут должна быть какая-то очень веская причина. Или непонятная нам логика поведения.

— Во всяком случае, тому же Невежину, которому было предъявлено обвинение, известно только одно: киллера взяли случайно. Во время паспортного контроля. Ты ведь знаешь, как это происходит в Москве?

— Вполне, уже стал свидетелем. После той нашей аварии приходится поневоле пользоваться общественным транспортом. Документы проверяют на каждом шагу. Особенно на вокзалах, у входов в метро и на остановках троллейбусов и автобусов. Но я вижу, что для многих наших доблестных правоохранителей все эти проверки — лишь способ подзаработать. Останавливают они какого-нибудь азиата или кавказца. Спрашивают документы и, если что у того не в порядке, предлагают пройти в отделение. Или намекают на то, что он может заплатить штраф. Но при этом никаких квитанций.

— Все верно, все верно... — Гордеев сделал паузу. — А у этого Котова при себе вообще не было никаких документов. И его задержали для выяснения личности. Оказалось, что он находится в федеральном розыске.

— Может, его признание в убийстве Перетерского является просто попыткой затянуть или запутать следствие по собственному делу, пустить его по ложному следу? Такая тактика не нова. Но откуда ему стало известно об убийстве Перетерского?

— В криминальных кругах своя почта и своя служба новостей.

— Например, телепередача «Дорожный патруль».

Гордеев улыбнулся удачной шутке Райского.

— Да, примерно.

— Юра, а почему этот Котов назвал именно Невежина?

— Еще один вопрос, — Гордеев усмехнулся. — Впору приглашать знатоков из «Что? Где? Когда?».

— Невежин знаком с Котовым? — спросил Райский.

— Нет. Он это категорически отрицает. Но Котову его фамилия очень даже известна, — задумчиво ответил Гордеев.

— Откуда?

Гордеев развел руками.

— Может... кто-нибудь подсказал? — спросил Райский.

— Придется поработать и в этом направлении.

— Я понял.

— Спасибо!

— Интересно, — продолжил Райский, — а на что надеется этот Котов?

— Надеялся... На побег.

— Поясни.

— Котов сбежал.

— Как — сбежал?

— Да вот так. Взял, да и убежал.

— Тогда его показания легко опровергнуть, в них же никто не поверит!

— Не все, оказывается, так просто. Кроме показаний Котова к делу приобщен и пистолет, из которого был застрелен Перетерский. Его «на стол правосудия», — усмехнулся Гордеев, — выложил сам Котов. Он указал место, куда после совершения убийства выбросил оружие. Экспертиза подтвердила, что выстрелы были произведены именно из него.

— На пистолете остались его отпечатки?

— Нет. Оружие нашли в коммуникационном люке, который к тому же был затоплен горячей водой. Поблизости прорвало трубу. Следовательно пришлось ждать окончания ремонтных работ. Искать в кипятке было невозможно.

— Значит, отпечатки Котова нигде не обнаружены?

— Да. Ни на оружии, ни на месте преступления.

— Так-так. — Райский постучал пальцами по столу Гордеева. — Интересно-интересно.

— Зато есть отпечатки Невежина.

— Где?

— Они обнаружены на сто долларовых купюрах, которые извлекли из карманов Котова в отделении милиции. Котов еще настоял на том, чтобы все их номера были переписаны.

— Купюр много?

— Пятнадцать. И на всех есть отпечатки Невежина.

— Есть еще что-нибудь?

— Да... есть. Свидетельства Киры Бойко — жены Федора Невежина. Она заявила следователю, который ведет это дело, что лично присутствовала при резком объяснении Перетерского с Невежиным. Перетерский, по ее словам, якобы требовал у Невежина деньги для продолжения исследований по перлару. Невежин в довольно грубой форме отказал, руководствуясь тем, что запросы ученого становятся все обширнее и наглее. Словом, они крепко поссорились, а Перетерский, уходя, пригрозил, что в таком случае развалит фирму. Невежин тоже сорвался и пригрозил жестоко с ним разделаться.

— Странно для жены! Не так ли? — покачал головой Райский. — Давать столь убийственные показания против своего мужа... Хотя в нашей практике чего только не бывало!

— Но это не все. Кира Бойко заявила следователю, что вскоре совершенно случайно услышала, практически подслушала, осторожный разговор мужа по мобильному телефону, который он вел с каким-то человеком, называя его при этом майором. А может быть, это была кличка преступника. Речь шла о Перетерском, о распорядке его дня, о времени, когда тот засиживается в лаборатории, и других деталях. Перетерского следовало убрать. За это майор должен был получить аванс — пятнадцать тысяч долларов — и столько же после исполнения заказа. Затем была назначена встреча. А через несколько дней, уже после странного убийства Перетерского, Невежин сказал Кире, что к нему должен прийти один человек, который собирается работать в его фирме, пусть она приготовит им кофе и не мешает в разговоре. Фамилия этого человека, как опять-таки совершенно случайно, из обращения мужа, услышала Кира, была Котов. Разговор у них был короткий, и Кира бы ничего не заподозрила, если бы после встречи с этим Котовым настроение мужа резко не улучшилось. На всякий случай она дала подробное описание внешних данных Котова. Составленный с ее слов фоторобот оказался как две капли воды похож на киллера по кличке Майор, который по подозрению в убийстве одного известного бизнесмена числился с недавних пор в федеральном розыске.

— А что это за бизнесмен? — поинтересовался Райский.

— У меня просто не было времени заняться этим вопросом. Я лишь сегодня приступил к изучению дела Невежина.

— Выходит, что Кира Бойко является единственным свидетелем причастности Невежина к убийству Перетерского?

— Главным свидетелем, — поправил Райского Гордеев. — А после бегства Котова и единственным.

— Других свидетелей нет?

— Нет... пока.

— Но они могут и появиться, не правда ли?

— Все возможно... все возможно...

Райский опять машинально вытащил из кармана курительную трубку и кисет, но, посмотрев на Гордеева, который словно ушел в себя, передумал и стал засовывать табак обратно в карман пиджака.

— Кури уж, — разрешил ему Юрий.

Райский стал с удовольствием набивать трубку. Гордеев же поднялся из-за стола и подошел к окну. Какое-то время молча смотрел сквозь щели полуопущенных жалюзи на улицу, где был припаркован его запыленный «жигуленок». Рядом стояло еще несколько автомобилей, так же как и автомобиль Гордеева, давно нуждавшихся в мойке. Пара подростков на роликовых коньках и с повязанными на головах платками что-то рисовали пальцами на запыленных капотах.

«Машину даже некогда вымыть... Хоть бы дождь пошел, что ли», — подумал Юрий Петрович, но сказал другое:

— Нужно встретиться с женой Невежина. Выяснить, какие у них были отношения.

— Женщины — это по твоему профилю, — скромно напомнил Райский и улыбнулся. — Ты с ними быстро находишь общий язык.

— Если они не свидетельствуют против моих клиентов.

— Что ж, тебе придется немного потрудиться.

— Придется, — усмехнувшись, согласился с Вадимом Гордеев.

— Юра, когда мы с Андрюхой пили у тебя пиво, ты вроде бы сказал, что люди, просившие тебя стать адвокатом Невежина, кого-то подозревают?

— Эдуарда Поташева, президента компании «ВДП», и его ближайшее окружение. Кто входит в это окружение, мне неизвестно.

— Возможно, у него большие связи и высокие покровители?

— Не знаю. Но деньги, что крутятся в его руках, действительно большие.

— А как сам Невежин относится к этой версии?

— Отмахивается от нее двумя руками. Поташева он знает с детства и во всем тому доверяет. Уверен, что на такое он не способен.

— Но кроме Поташева могут быть и другие люди... о которых не подозревают ни Невежин, ни Поташев.

— Не исключено.

— Значит, на данный момент, — подытожил Райский, — в невиновности Невежина уверены лишь двое сотрудников фирмы «ВДП»?

— Да. И притом бывших.

Неожиданно раздавшаяся трель телефона прервала их разговор.

— Извини, — сказал Райский и вытащил из внутреннего кармана пиджака сотовый телефон.

Пока он разговаривал с женой, из-за шторы, которая прикрывала вход в кабинку Гордеева, показалась женская голова в ситцевом цветастом платке.

— Юрий Петрович, вы еще долго?

— Заканчиваем, Дарья Михайловна, заканчиваем, — ответил Гордеев.

— Я уже везде убрала. Вы одни остались, — сказала уборщица и скрылась за шторкой столь же неожиданно, как и появилась.

В коридоре послышалось звяканье оцинкованного ведра и удаляющиеся шаги.

В больнице у Чупрова

Лишь отъехав на приличное расстояние от метро «Таганская», где он высадил Райского, Гордеев вспомнил, что так и не узнал, зачем тот весь день искал его. Да и сам Вадим, занятый новой темой, почему-то не вспомнил об этом. А потом еще и неожиданный звонок жены вырвал его из окружающей действительности и перенес за город, где опять возникли какие-то разногласия между женой и строителями, отказавшимися что-то переделывать в очередной раз по желанию дорогой супруги. Дорогой в том смысле, что любые строительные изменения стоили Райскому дополнительных средств.

«Что ж, видно, ничего серьезного... Вадим не из тех, кто забывает о главном. Хотя, если что, он обязательно позвонит, напомнит о себе...»

Гордеев протянул руку к магнитоле и нажал на клавишу «Play». Через мгновение зазвучала мелодия, хорошо знакомая Юрию. Запись была отличного качества, а динамики создавали стереоэффект. Юрий расслабился, положил голову на подголовник, прикрыл глаза и стал слушать. У него было несколько минут, так как в этот момент «Жигули» Гордеева находились в плотном автомобильном потоке, застывшем у перекрестка на зеленом свете светофора. Путь преграждала стоявшая поперек движения белая иномарка с синими буквами «ГАИ». Рядом с ней находилось два человека в милицмейской форме. Один — с переговорным устройством в руках, другой — с регулировочным жезлом. Видно, ожидали, когда проедет какой-нибудь шибко важный госчиновник. Иначе говоря, слуга народа.

Вслед за музыкальным вступлением, где ведущая партия принадлежала саксофону, зазвучал женский голос. Голос был очень чистый. Пела Стелла Рогатина.

Слушая новые песни из ее репертуара, Гордеев вспомнил, что сегодняшний вечер Стелла проведет у своих родителей. Старики скучали на пенсии, а внучка где-то путешествовала вместе с отцом. Вот они и хотели увидеть хотя бы свою непутевую дочь. Стелла, созвонившись с ними утром, сказала:

— Возможно, я останусь там ночевать.

Вспоминая сегодняшнее утро, Юрий Гордеев ощутил на губах ее поцелуй, улыбнулся и открыл глаза. Из динамиков зазвучала очередная ласкающая слух мелодия, но где-то на середине песни к музыкальным звукам присоединились постепенно нарастающие звуки приближающихся милицмейских сирен. Эти служебные звуки пронеслиь слева направо и так же постепенно стали стихать. Вскоре дорожное движение возобновилось.

Не меняя направления движения, Гордеев снял с поясного ремня сотовый телефон и набрал номер Раппопорта. Трубку поднял сам Владлен Семенович.

— Добрый день. Это Гордеев, адвокат Неvejeина, — напомнил Юрий.

— Слушаю вас, Юрий Петрович.

— Владлен Семенович, в какой больнице находится ваш товарищ Владимир Чупров?

— В семьдесят первой. Я у него сегодня буду. Проведаю.

— Спасибо. Думаю, что и мне нужно его проведать.

— Может быть, мы с вами там пересечемся.

— Тогда до встречи.

Гордеев поднялся на третий этаж и пошел по коридору. Навстречу попадались больные в казенных полосатых пижамах и собственных спортивных костюмах. Дойдя до стола, за которым сидела женщина в белом халате — дежурная медсестра, Юрий спросил, в какой палате находится больной Чупров.

— Вы родственник или из милиции? — поинтересовалась дежурная.

— Я адвокат, — ответил Гордеев.

— Адвокат? — немного удивилась дежурная и задумалась. — Значит, по делу?

Гордеев кивнул.

— Только, пожалуйста, не утомляйте больного. Он еще слаб. Хотя идет на поправку.

— Я недолго, — успокоил ее Юрий.

— Идемте. Я провожу вас.

У входа в палату дежурная медсестра остановилась и еще раз напомнила о слабости больного.

— Я помню и буду краток, — ответил Гордеев.

В палате стояло шесть коек. Четыре из них пустовали, но по мятому постельному белью и по наличию на прикроватных тумбочках средств личной гигиены было видно, что три из них заняты пациентами, которые в данный момент отсутствовали. На двух находились больные. Один лежал без движения и то ли спал с открытыми глазами, то ли просто смотрел в потолок. Другой, облокотившись на подушки, сидел на кровати. На коленях у него лежала газета, в правой руке он держал карандаш.

— Слово из пяти букв, означающее сражение, — тут же обратился он к Гордееву.

— Не понял.

— Последняя буква «а».

— Битва, — немного подумав, ответил Гордеев.

— А может... и война, — высказал предположение любитель кроссвордов и уставился в газету. — Смысл вроде бы один, но разница между словами все-таки существует. — Он стал что-то подсчитывать.

— Надо проверить по вертикали... какое подходит, — предложил Гордеев.

— Потом проверю. Сначала закончу с горизонталями, — не отрываясь от своего занятия, ответил больной.

Гордеев посмотрел на вторую кровать, которая стояла у раскрытого настежь окна. Разглядеть лицо лежащего больного из-за повязки, которая покрывала всю голову, было невозможно. К тому же он по-прежнему не проявлял никакого интереса к происходящему в палате.

— Где мне найти Чупрова? — обратился Гордеев скорее в пустоту, чем к кому-либо из обитателей палаты.

Сидевший на кровати любитель кроссвордов, не отрываясь от газеты, показал свободной рукой на своего соседа.

Приблизившись к больничной койке, Юрий узнал Владимира Чупрова. Тот по-прежнему лежал без движений и смотрел в потолок. В уши Чупрова были вставлены крошечные наушники. Провод от них тянулся к небольшому переносному магнитофону, стоявшему на подоконнике. Рядом с магнитофоном лежали газеты и журналы, а также с десяток аудиокассет. Гордеев медленно склонился над Чупровым и увидел, как у того от удивления стали расширяться глаза. Владимир не ожидал прихода Гордеева и потому, увидев над собой вместо белого потолка чье-то лицо, слегка растерялся. Поняв, кто к нему пришел, Чупров чуть приподнялся, подложил под себя подушку и принял полулежачее положение — так ему было удобнее вести разговор. Затем он снял наушники и поздоровался с Гордеевым.

— Здравствуйте, Владимир...

Гордеев сделал небольшую паузу, так как не помнил отчества Чупрова.

— Можно просто Владимир... Я ведь еще не настолько стар, не так ли? — нашел выход из создавшейся неловкости Чупров.

— Как вы себя чувствуете?

— Уже лучше, но, как сказали врачи, еще не настолько, чтобы можно было выписываться.

— Но кризис миновал?

— Да, худшее уже позади.

— Могу я с вами поговорить? Вернее, можете ли вы мне рассказать?..

— О чем? О том, что со мной произошло?

— Нет. Об этом мне рассказал ваш товарищ... Раппопорт.

— Тогда не будем больше об этом. Я хочу забыть. Да и все, что мог вспомнить, я уже рассказал милицейским работникам.

Гордеев согласно кивнул.

— Что же вы, Юрий Петрович, хотите узнать? — спросил Владимир.

— Расскажите мне о фирме «ВДП». О ее руководителях... Как она создавалась?... В общих чертах я уже об этом знаю, но хотелось бы...

— Да мы с Владленом Семеновичем уже вам рассказывали кое-что...

— Мне необходимо знать все подробности. Насколько это возможно. — Гордеев помолчал и добавил: — Вы же уверены, что Невежина подставили?

— Да, — согласился Чупров. — Уверен... На все сто процентов. И не я один так считаю. И Раппопорт, и многие другие... из тех, кого Невежин привлек к работе.

— Почему вы ушли из «ВДП»? Вы ведь тоже стояли у ее истоков. На ваших глазах эта фирма крепла и расширялась.

— Да, в ее фундаменте есть и мои кирпичики. Я уложил достаточное их количество... Как, впрочем, и Раппопорт, и Перетерский — пусть земля ему будет пухом, — и многие, многие другие, кого зажег своими идеями Федор Евгеньевич Невежин. Мы делали одно дело.

— Мне интересно все, что так или иначе может касаться дела Невежина. Даже то, что на первый взгляд вам покажется не имеющим к нему никакого отношения. Но поверьте, в суде, если он состоится, а дело идет именно к этому, даже самая незначительная деталь играет свою роль.

— Как в спектакле — ружье из первого акта, которое должно обязательно выстрелить в последнем?

— Увы, но это так, — развел руками Юрий.

Негромкий разговор Гордеева с Чупровым был бесцеремонно прерван.

— Эй, театралы! — обратился к ним сосед Чупрова. — Подскажите, как называется классическая пьеса, с которой связано первое произнесение слов «носовой платок» на французской сцене?

Воцарилась тишина.

Чупров, который, как видно, уже привык к подобному поведению соседа, никак не отреагировал на заданный непонятно кому вопрос, а неготовый к такой беспардонности Гордеев лишь удивленно приподнял брови и пожал плечами.

Но тут в палату вошла дежурная медсестра. В ее руках был металлический поднос, на котором стояли небольшие стаканчики из прозрачной пластмассы с разноцветными пилюлями и лежали ампулы со шприцами. Вслед за сестрой в помещение вошли еще три пациента. Они проковыляли к своим местам и, оголив ягодичы, улеглись на койках лицами низ.

— Тогда каким металлом средневековые медики лечили заворот кишок? — возобновил допрос любитель кроссвордов.

— Ртутью, Петрухин, ртутью, — ответила дежурная и добавила: — Вы уже все отделение достали своими кроссвордами. Попросите ваших родственников, пусть принесут вам словарь.

— Или Большую советскую энциклопедию, — предложил кто-то из пациентов.

— Лучше Брокгауза и Ефрона, — подключился к разговору следующий.

— Подходит, — радостно констатировал Петрухин и вписал слово.

— Тогда переворачивайтесь на живот, — приказала дежурная.

Раздав всем лекарства и сделав уколы, медсестра торопливо покинула палату. Вслед за ней так же торопливо проковыляли к выходу и все соседи Чупрова, включая и любителя кроссвордов.

— Куда это они все? — поинтересовался Гордеев.

— В столовую.

— Ужин так рано?

— Нет, смотреть телевизор, — пояснил Чупров. — А я не любитель, — Владимир указал рукой на подоконник, где рядом с портативной магнитолей лежали аудиокассеты. — Ну так что, вернемся к нашим баранам?

— Давайте.

— С Невежиным я познакомился в аудиторской фирме, — начал свой рассказ Чупров. — Мы вместе работали. В одной конторе, но в разных отделах. Занимались разными направлениями. До этого, насколько я знаю, Федор Евгеньевич сотрудничал с Егором Тимуровичем Гайдара. Но когда Гайдара, как говорили в то время, вытолкнули на обочину новейшей истории, Невежин на какое-то время оказался не у дел. Стал безработным. В общем, хлебнул лиха.

— Чем же он занимался?

— Федор Евгеньевич не пал духом. Он по-прежнему изучал экономику. Поэтому в моральном плане проблем у него не было...

— Но в материальном — были?

— Да, победствовал.

— Долго это продолжалось?

— Я точно не знаю. Для кого-то ведь и день кажется вечностью, а для кого-то век — мгновение... Одно могу сказать с уверенностью: таких специалистов, как Невежин, немного...

Рассказывая о Невежине, Владимир часто делал короткие паузы. Юрию было видно, что Чупров еще слаб, ему трудно и говорить и вспоминать — перенесенное сотрясение мозга давало о себе знать.

— Владимир, если вам трудно говорить, мы можем прервать нашу беседу, — предложил Гордеев. — Поговорим, когда вы будете чувствовать себя лучше.

— Нет. У меня есть силы. Давайте продолжим.

— Хорошо.

— И еще... если я буду в чем-то повторяться, то вы уж, Юрий Петрович, простите меня.

— Не волнуйтесь, я очень внимательно буду слушать все, что вы мне расскажете.

— Вскоре, — продолжил Чупров, — Федору Евгеньевичу предложили работу. В аудиторской фирме. В той самой, в которой потом появился и ваш покорный слуга. Там мы и познакомились. Я был рядовым сотрудником. А Невежин возглавлял отдел. Он был ведущим аналитиком. Потом меня перевели в его отдел. На этом настоял сам Невежин. И я был ему за это очень благодарен. Работая с Федором Евгеньевичем, я понял, что такое настоящий хороший руководитель, и стал свидетелем того, как Невежин пытается использовать на практике некоторые законы западного бизнеса. До этого он уже давно изучал их, а изучив, открыл для себя истину, усвоенную его коллегами из зарубежных стран — стран с хорошо развитой рыночной экономикой. И об этой истине Федор Евгеньевич нам постоянно напоминал.

— А в чем же она заключается? — поинтересовался Гордеев.

— Эта истина заключалась в том, что, по мнению Невежина, успех в бизнесе сопутствует тем, кто умеет создать для людей такие условия, при которых они будут трудиться честно и с воодушевлением, а для этого необходимо внедрять в трудовой коллектив атмосферу психологического комфорта. К делу или, если хотите, к бизнесу необходимо в полной мере прилагать, как рычаг, так называемый человеческий фактор.

— Невежин сам-то следовал этой истине?

— А как же! И начал он со своего отдела. — Чупров перевел дыхание и продолжил: — Одновременно с этим Федор Евгеньевич стал присматриваться к людям, работавшим рядом с ним. По всей видимости, у него уже тогда зародилась идея создать собственное дело.

— Невежин стал собирать свою команду?

— Да. Но об этом никому ничего не говорил. Пока не определился с направлением, в котором собирался работать. Ведь правильно выбранная область коммерческой деятельности — это уже половина успеха.

— Невежин выбрал перлар?

— Да.

— А где Федор Евгеньевич познакомился с Перетерским? Тот ведь наверняка не давал объявления в газету «Из рук в руки» с примерным текстом: «Ищу перспективную область коммерческой деятельности».

— Конечно же нет, — усмехнулся Чупров. — У вас есть чувство юмора.

— Спасибо, — в свою очередь хмыкнул Гордеев.

— С Перетерским Невежина свела судьба, — продолжил рассказ Чупров. — Они познакомились, насколько я знаю, случайно. А как?.. Увы... Мне неизвестно.

— Но попадание было в яблочко?

— Да, в самую десятку. После того как сфера деятельности была определена, Невежин решил открыть собственное дело. Он взял где-то кредит и приступил к созданию фирмы, чтобы затем наладить как производство, так и сбыт волокна. Дело обещало стать своеобразным синтетическим Клондайком. Ткани, сделанные из перлара, обещали быть недорогими и очень практичными. Легкие и прочные, они могли применяться во многих областях жизни, в разных климатических зонах. Последнее могло заинтересовать военных... Впоследствии так оно и получилось...

Чупров ненадолго замолчал. Он опять переводил дыхание. Все-таки этот разговор давался ему нелегко, и не только из-за физических травм, но также из-за перенесенных ранее психологических. Гордеев, видя все это, терпеливо ожидал продолжения.

— Первое, что сделал Невежин, когда зарегистрировал фирму, он собрал хороших специалистов: экономистов, программистов, химиков и так далее. С химиками помог Перетерский. Большинство из них были его учениками... Короче, работа закипела. Но через какое-то время оказалось, что для дальнейшей успешной работы кредита, который взял Невежин, явно не хватает. Нужны были средства покрупнее. Причем срочно... Вот тогда и появился на горизонте Поташев. У него были деньги, так необходимые на тот момент... Фирма «ВДП» могла бы найти деньги и в другом месте, но время поджимало. К тому же Поташева Федор Евгеньевич знал давно.

— Да, мне известно, что они учились вместе и в школе, и в институте.

— В общем, Поташев стал одним из соучредителей фирмы «ВДП», а вскоре занял пост президента компании.

— Скажите, Владимир, если вы, конечно, знаете, Поташев сам вышел на Невежина или же Федор Евгеньевич обратился к нему с просьбой о финансировании проекта?

— Я не смогу ответить на ваш вопрос, — с сожалением сказал Чупров, — но вам на него и все связанное с этим может ответить сам Невежин.

— Мне просто хотелось узнать, какой именно информацией владеют люди, не входящие в высшее руководство фирмы. Я имею в виду информацию о финансовом положении компании и об истории ее развития. Продолжим?

Чупров утвердительно кивнул.

— С приходом Поташева дела фирмы пошли резко вверх. Эдуард Владимирович обладает не только большими деньгами, но и очень необходимыми связями. Притом в любых сферах деятельности, вплоть до самых высших. У него выходы на любого министра.

— Вы имеете в виду бывший кабинет министров или недавний нынешний?

— Я говорю о бывшем правительстве. Но думаю, что и на нынешнее тоже. Если не сейчас, то в ближайшем будущем будут обязательно. Люди меняются, но посты, которые они занимали, остаются.

— Н-да, — согласился Гордеев.

— Появление Поташева в фирме «ВДП» было естественным еще и по другой причине. Невежин пытался создать команду друзей-единомышленников, и Поташев для этого подходил идеально. Эдуард Владимирович с головой влез в финансовые операции, предоставив возможность Перетерскому сосредоточиться на совершенствовании своего волокна, а Невежину — создавать крепкую команду, так сказать, костяк компании, которая стала стремительно расширяться... Я уже говорил, что Невежин стал опробовать свою собственную методику руководства коллективом, еще будучи начальником отдела в аудиторской фирме. Те же методы он использовал и в «ВДП». Но здесь количество работающих под его руководством было намного больше, чем в то время, когда заведовал отделом. Однако ничего не изменилось. Федор Евгеньевич по-прежнему был уверен, что только бережное отношение как с рядовыми работниками, так и с руководящими, и внедрение самой передовой технологии приведут к успеху. Невежин создавал компанию как семейное дело. Он объединил всех сотрудников в единую семью — привил всем дух патернализма.

— Патернализма? — переспросил Гордеев.

— Да. Это от слова «патер»...

— Кажется, что на латыни оно означает «отец»?

— Именно, — подтвердил Владимир Чупров. — Кроме этого, Федор Евгеньевич выработал еще и несколько других принципов.

— Принципов построения своего дела?

— Вы понимаете меня с полуслова, — с улыбкой сказал Чупров.

Он приподнялся и изменил положение своего тела. Выглядел немного усталым, но все же довольным.

— Я очень способный, — пошутил Гордеев.

Чупров еще раз улыбнулся.

— На первое место, — продолжил он, — Невежин поставил задачу вдохнуть энтузиазм и энергию в тех, кто работает в компании «ВДП». На втором месте у него находилась забота об удовлетворении потребностей и запросов сотрудников. На третье место он поставил ответственность перед акционерами и инвесторами, которые вкладывали бы свои деньги в бизнес компании «ВДП». Таким образом, Федор Евгеньевич посчитал, что важнее всего чувство глубокого удовлетворения сотрудников фирмы, а уж потом прибыль, предназначенная акционерам... Невежин был глубоко уверен, что рыночная экономика оставляет далеко в прошлом разбойничий, так он говорил, этап накопления капитала, а также и жестокий, характерный для нынешнего времени период передела собственности, который — как многим известно — сопровождается выжиманием всех соков из наемных работников. Федор Евгеньевич выдвинул тезис. Он звучал так: «Я хочу, чтобы все, кто работает в нашей компании, являлись ее инвесторами...»

— «А те, — раздался голос за спиной Гордеева, — кто занимает руководящие посты в администрации, — крупными инвесторами». Конец цитаты.

Гордееву показалось, что это сказал вернувшийся в палату любитель кроссвордов, но когда он обернулся, то увидел улыбающегося Владлена Семеновича Раппопорта. В руках тот держал пластиковый пакет. Сквозь полупрозрачную пленку можно было разглядеть округлые бока полосатого арбуза.

— Астраханский, — сообщил Раппопорт о его происхождении. — Он огляделся по сторонам. — Куда его? — спросил у Чупрова.

— Спасибо вам, Владлен Семенович, — поблагодарил Владимир. — Наверное, на подоконник.

— Ну, Юрий Петрович, здравствуйте, здравствуйте. — Они обменялись рукопожатиями. — А ты как себя чувствуешь? — обернулся Раппопорт к Чупрову.

— Уже лучше. Восстанавливаюсь, хотя и медленно.

— Лучше медленно, но верно, — весело заметил Раппопорт.

— Спасибо за поддержку, Владлен Семенович.

— Я не помешал вашему разговору? — поинтересовался Раппопорт.

— Ну что вы... Наоборот, очень кстати, — успокоил его Чупров.

— Значит, успел. А то боялся, что Юрия Петровича уже не застану.

— Мы говорили о вас по телефону, — пояснил Гордеев. — Я интересовался, в какой больнице вы находитесь.

Чупров понимающе кивнул.

— А я вот отвечаю на вопросы Юрия Петровича, — в свою очередь сообщил Владимир. — Если что забуду, поправьте меня, пожалуйста, Владлен Семенович.

— Конечно, конечно, — согласился Раппопорт.

— Тогда я, с вашего разрешения, продолжу.

Раппопорт взял ближайший стул, поставил его рядом с кроватью Чупрова и сел.

— Мы остановились на главном невежинском тезисе, — напомнил Чупрову Гордеев. — Кстати, как это происходило на практике?

— На практике это означало продажу акций компании «ВДП», причем на льготных условиях и только сотрудникам фирмы. Федор Евгеньевич хотел, чтобы личное благосостояние его сотрудников находилось в прямой зависимости от успехов компании и чтобы сотрудники заинтересованно следили за биржевым курсом своих акций и радовались его росту.

— Иными словами, — подключился к разговору Раппопорт, — Невежин пытался внедрить на своем предприятии модель «народного капитализма».

— Да. Это так, — согласился Чупров.

Из дальнейшего разговора, в котором, дополняя друг друга, принимали активное участие уже оба рассказчика, Гордеев узнал, что до конца идеям Невежина сбыться не удалось. Пока фирма «ВДП» набирала обороты, принося колоссальную прибыль, президент компании Эдуард Поташев лишь искоса поглядывал на вице-президента Федора Невежина и на его дела. Но в тот момент, когда Невежин начал распродавать акции сотрудникам компании, Поташева как подменили. Он во всем стал препятствовать делам и идеям Невежина. Странные события стали происходить в фирме и странные вещи твориться в коллективе. Внезапно несколько человек, ведущих сотрудников, по «собственному желанию», а на самом деле по непонятным никому причинам покинули фирму. Несколько человек вдруг выехали из Москвы в неизвестном направлении. Места этих сотрудников стали занимать новые люди, приглашенные Поташевым. Они проводили политику, совершенно противоположную той, за которую ратовал Невежин. Один из таких людей, Виталий Орлов, занял пост исполнительного директора фирмы. Он был первым, кого привел Эдуард Поташев. Вслед за Орловым появились и другие...

Однако конец этой истории Гордееву услышать не удалось. Их беседа была неожиданно прервана. В больничную палату с шумом вернулись все ее обитатели. Они были чем-то возмущены и не скрывали своего недовольства. По отдельным репликам, которые раздраженные больные отпускали в адрес администрации, Гордеев понял, что внезапно в отделении погасло освещение, из-за чего не удалось досмотреть очередную серию какого-то телевизионного детектива. Некоторые из больных, взяв сигареты и спички, сразу же вышли перекурить, а те, что остались в палате, улеглись на скрипящие койки и продолжали бурчать. Еще минут через пять или семь в палату вошла дежурная медсестра. Она напомнила Раппопорту и Гордееву о том, что время посещения закончилось.

«СИНЯЯ САЛАМАНДРА»

Гордеев предложил своему спутнику подвезти его до ближайшей станции метро. Однако Владлен Семенович, сославшись на желание пройтись перед сном, отказался от услуг Гордеева. Они попрощались. Гордеев направился к своему автомобилю, а Раппопорт пошел в противоположном направлении.

Двигатель завелся с пол-оборота, и Юрий выехал за ворота. И тут услышал звонок своего мобильного телефона. Однако самого аппарата на привычном месте не оказалось. Черный кожаный футляр, висевший на брючном ремне Юрия, был пуст. Чтобы найти телефон, Гордееву пришлось остановиться и обшарить весь салон. Аппарат, издававший мелодичную трель, валялся почему-то под водительским сиденьем. Каким образом он там оказался, Гордеев объяснить не мог. Но одно Юрий помнил точно: три часа назад, когда он выходил из «Жигулей», его мобильный аппарат находился на своем месте — в футляре на поясе. Что же случилось?

Гордеев переключил телефон на режим работы, но вместо привычного «алло» из трубки послышался длинный гудок.

«Не дозвонились», — подумал он, и через минуту его автомобиль, помигав левым подфарником, вновь тронулся с места.

Спешить Гордееву было некуда, дома его никто не ждал — Стелла была у родителей, и Юрий решил просто покататься по пустующему городу, а заодно попытаться найти ответ на интересующий его вопрос.

Вопрос же был все тем же: каким образом его мобильный телефон оказался под водительским сиденьем? Выпасть из футляра он не мог. Кто, как и зачем его туда положил, Юрий пока не знал. Ведь замки на дверях отцовских «Жигулей» были в порядке, да и противоугонная сигнализация была включена. В коридорах больницы он ни с кем не сталкивался и не разговаривал, кроме как с дежурной медсестрой отделения, где лежал Чупров. Может, все произошло в помещении приемного покоя? Пока он ожидал возвращения дежурной, которая должна была дать разрешение на посещение больного. Но это ожидание длилось минут пять... или семь. Там, в помещении, кроме него находилась лишь пожилая супружеская пара. У мужчины в обеих руках были авоськи с фруктами. Их он из рук не выпускал. Значит, оставалась женщина. Она еще все нервничала. Даже успела рассказать Гордееву об их сыне, который чем только не болел в детстве. Вроде бы обычный для больницы разговор обычных родителей. Женщина не могла найти себе места и потому все время двигалась, ходила. Ее нервозность передавалась и мужу, который довольно резким тоном пытался ее успокаивать. Но это лишь накаляло их отношения. До ссоры, однако, не дошло. Супругов примирил приход дежурной, но ненадолго, так как их перебранка возобновилась, но уже в коридоре, откуда какое-то время слышались их удаляющиеся голоса. Если это они, а кроме них больше никому, то сработано профессионально. Роли разыграны превосходно. Можно поаплодировать. Станиславский бы таким актерам сказал: «Верю, верю!» А вам, Юрий Петрович, спектакль понравился? Понравился. Хотя, может, это был лишь первый акт? Но все равно уже впору кричать: «Автора! Автора!» Кстати об авторе... и его пьесе. Интересно, сколько же всего в ней актов и сколько действий. И что это — драма, комедия, фарс или что-то еще?

Гордеев достал из футляра телефонную трубку. Он хотел повнимательней ее рассмотреть. Но быстро понял, что на ходу этого лучше не делать — начинало темнеть. Однако упрятать телефон в футляр он не успел. Вновь раздался звонок. На этот раз звонила Стелла. Она предупредила Гордеева, что остается ночевать у родителей.

После звонка Юрий почувствовал, что очень проголодался. Ехать домой и сидеть одному в квартире не хотелось, и он решил поужинать в каком — нибудь кафе или ресторане. Необходимо было побыть среди людей. Больница, в которой Гордеев провел около трех часов, оказалась на него немногим гнетущее впечатление. Так, впрочем, на него влияли все лечебные заведения — от зубо-врачебных

кабинетов в домовственных санаториев. Поэтому их хотелось окунуться в новую, более жизнерадостную атмосферу.

Ресторан, в который приехал отужинать Гордеев, оказался тем самым, где несколькими днями раньше, за обедом, Вадим Райский и Гордеев неожиданно встретились с Андреем Ветровым. То, что выбор Юрия сегодня пал именно на это заведение, было исключительно делом случая. Просто никуда не спешивший Гордеев после посещения Чупрова поехал тем же путем, каким и приехал к больнице. По непонятной для себя причине он ехал по направлению к своей юридической консультации. Звонок Стеллы настиг его у «Таганской», недалеко от которой и находился вышеупомянутый ресторан.

Теперь, прежде чем покинуть свой припаркованный автомобиль, Юрий внимательно осмотрелся. Знака, запрещающего стоянку автотранспорта, нигде не было. Ни на том злополучном бетонном столбе, где он однажды внезапно появился, ни где-либо еще поблизости. Выйдя из автомобиля, Гордеев заметил лишь одно изменение в окружающей обстановке. Над входом в ресторан цветным неоновым светилась вывеска. Прежде на ее месте, отметил он для себя, были только торчащие из стены металлические кронштейны. Тогда Юрия еще удивило отсутствие наружной рекламы, без которой не каждый мог догадаться, что эта резная дубовая дверь ведет в ресторан, какой, как оказалось, называется «Синяя саламандра». Название понравилось, хотя и напомнило отчасти о немецкой обувной фабрике, добротную продукцию которой высоко ценили жители бывшего СССР.

Внутри ресторана, как отметил для себя Гордеев, никаких изменений не произошло, если не считать того, что в глубине зала, на небольшой сцене, инструментальное трио — контрабас, ударные и фортепьяно — наигрывало вполне ностальгический джаз. Еще в свой первый приход в этот ресторан Гордеев заметил эту сцену, но инструментов тогда на ней не было.

«Потихоньку обживаются», — констатировал он, проходя в дальний конец зала, где занял стоявший у стены столик, рассчитанный на двоих. Вскоре подошел официант и принял заказ.

Ожидая, когда принесут еду, Гордеев стал рассматривать посетителей. В зале их было немного. Но все они были ценителями джаза. Это Гордеев понял по тому, как они слушали музыку, ритмично покачивая головами в такт музыкальной теме. Некоторые из них уже были навеселе, но вели себя прилично, лишь иногда, забываясь, начинали тихонько постукивать вилками о края своих тарелок, сбивая своих соседей с такта.

Постепенно игра музыкантов захватила и Гордеева, и он машинально стал отстукивать ногой.

— Добрый вечер, — неожиданно услышал он.

Юрий обернулся. Рядом с его столиком стояла молодая женщина. Это была директор ресторана.

— Рада вновь видеть вас здесь, — улыбнувшись, сказала женщина. — Надеюсь, что вы приятно проведете время.

— Вы разве меня знаете? — удивленно спросил Гордеев.

— Да. Ведь вы уже были у нас!

— Верно.

— Ну... вот видите.

— Теперь вижу.

Гордеев показал рукой на второй стул.

— Может, присядете? — предложил он. — Если вам, конечно, позволяет ваша должность.

— Позволяет, — улыбнулась женщина. — Позволяет.

— Тогда...

Гордеев встал и придвинул ей стул.

— Скажите, а вы запоминаете всех посетителей?

— Почти.

— У вас, наверное, хорошая память?

— Ну, вас было нетрудно запомнить.

— Это почему же?

— Вы сидели за одним столом с Андреем Борисовичем Ветровым. Насколько я поняла, вы товарищи?

— Да, мы вместе учились. Ветров хороший и грамотный юрист. В делах можете смело на него полагаться.

— Спасибо за рекомендацию...

— Меня зовут Юрий Петрович, — подсказал Гордеев.

— Еще раз спасибо за рекомендацию, Юрий Петрович, — поблагодарила женщина и улыбнулась.

— А вас как зовут? — поинтересовался Гордеев.

— Елена Петровна. Я директор этого заведения.

— Елена Петровна, в вашем ресторане очень уютно.

— Спасибо.

— И музыка... такая приятная и ненавязчивая.

— Да, мне стоило немалых трудов заманить сюда этих ребят. Это настоящие музыканты.

И они знают себе цену.

Неожиданно ее взгляд стал строгим.

— А почему на вашем столе не горят свечи? — спросила она и сама же ответила: — Опять официант забыл!

В ее руках появилась зажигалка, и через несколько секунд над столом уже заколыхался язычок пламени.

— Скажите, Елена Петровна, вы подходите к каждому столику или выборочно?

— К каждому. Мы ведь открылись недавно и нам нужна клиентура... постоянная клиентура, а ее надо зарабатывать. Мы хотим, чтобы в нашем ресторане была домашняя атмосфера, чтобы к нам хотелось прийти снова и снова. Как к близким людям или хотя бы как к хорошим соседям. И для этого необходим контакт с клиентами, а достигается он лучше всего при личной беседе.

— Как, например, со мной?

— И с вами тоже.

— Я думаю, что вскоре с такой организацией дела в ваш ресторан будет трудно попасть.

— И я на это надеюсь... — Елена Петровна увидела идущего к их столику официанта. —

А вот и ваш ужин. У нас отличный шеф-повар. Все, что он готовит, можно сразу заносить в Книгу Гиннеса.

— Я это уже оценил, — сказал Гордеев.

— Тогда... приятного вам аппетита. — Елена Петровна поднялась из-за стола.

Гордеев тоже поднялся.

— Один вопрос, Елена Петровна. Из вашего ресторана можно позвонить?

— Да. Телефон на барной стойке, но иногда бармен его убирает, чтобы не мешал работать. Идемте. Я провожу вас.

...Прежде чем набрать нужный номер, Гордеев посмотрел на часы. Звонить в детективно-охранное агентство «Глория» было уже поздно, но, хорошо зная, что рабочий день Дениса Грязнова-младшего, директора этого агентства, ненормирован, Юрий все же решил, что надежнее будет позвонить именно туда.

Трубку поднял кто-то из сотрудников агентства, но вскоре к аппарату подошел сам Грязнов-младший.

— Алло, Денис? — спросил на всякий случай Гордеев.

— Здравствуй, Юра, — узнал тот.

— Добрый вечер!

— Какой, к черту, добрый! — возмутился на другом конце телефонного провода усталый голос. — Был бы он добрым, так я бы не торчал здесь в такое время, а сидел бы в каком-нибудь прохладном и уютном местечке. Так нет же — приходится дневать и ночевать.

— Все дела?

— И не говори... Сам-то как? Небось отдыхаешь перед теликом, пиво попиваешь и в ус не дуешь?

— В ус действительно не дую, так как не во что дуть. А сижу... — Гордеев усмехнулся, — сижу в ресторане. Ужинаю.

— Вот-вот, — с завистью сказал Грязнов-младший. — Что я и говорил.

Гордеев рассмеялся. Он представил себе, какое выражение могло быть в данный момент на лице Дениса.

— Смеешься? Ну-ну. Будет и на моей улице праздник.

— Считаю, что он уже наступил.

— Что-то случилось? — Голос Дениса посерьезнел.

— Нужна срочная техническая консультация.

— Понял. Завтра в одиннадцать у меня. Можешь?

— Договорились.

Гордеев положил трубку на рычаг и вернул телефонный аппарат бармену. Тот ловко сунул его под стойку.

«Вот теперь можно и поесть», — сказал себе Юрий Гордеев и пошел к своему столику, где его ожидал горячий ужин.

«ЖУЧОК» В АППАРАТЕ

Частное детективное агентство «Глория» находилось недалеко от Сандуновских бань в старом, еще дореволюционной постройки здании на Неглинной улице. В цоколе этого шестиэтажного бывшего доходного дома оно занимало несколько комнат. На табличке у стеклянных дверей значилось только название агентства и номер лицензии. Без всяких пояснений — конфиденциальные услуги, охрана, розыск пропавших и прочего, чем занимаются новоявленные отечественные пинкертон и секьюрити.

Ехать к Денису Грязнову Гордееву было недалеко. От Таганки до Неглинки рукой подать. Однако в час пик на это уходило гораздо больше времени. И потому Гордеев предусмотрительно выехал пораньше, и правильно сделал, так как добавленное им время было потрачено на стояние в уличных заторах.

Приехал Юрий к назначенному сроку. Однако Денис был занят — вел какие-то переговоры, и Гордееву пришлось подождать в приемной.

В «Глории» он был не впервые. Оглядевшись, констатировал, что со времени его последнего посещения здесь ничто не изменилось. Интерьер детективного агентства не бил в глаза показушной роскошью, однако и бедным его вряд ли можно было назвать: на стенах хорошие белые обои, полы покрыты ковролином, черные и белые столы и кресла, фирменная оргтехника. Небольшой холл, служивший и приемной. Кабинет директора, отделенный от холла высоким, во всю стену, матовым стеклом, украшенным кашпо с какой-то развесистой зеленью. В глубине помещения находилась комната, набитая спецсредствами: связь, прослушка и еще масса каких-то электронных штук, о назначении которых Гордеев мог только догадываться. Самая большая комната была отведена группе компьютерного обеспечения. Компью-

теры в агентстве были сверхмощные. За ними всегда находились люди — специалисты высокого класса, для которых взломать любой код что трактористу щелкать семечки.

Прежде агентство «Глория» оказывало любые детективные услуги, но постепенно переориентировалось только на услуги финансовым структурам. Охраной оно практически не занималось, хотя в штате агентства и находились, на всякий случай, три человека для приезжих VIP, особо важных персон.

Учредителем и первым владельцем «Глории» был нынешний начальник МУРа, генерал-майор милиции Вячеслав Иванович Грязнов, который, уйдя на короткое время из правоохранительных органов, организовал это индивидуальное частное предприятие в 1994 году. Но через два года владельцем агентства стал Денис Андреевич Грязнов, племянник Грязнова-старшего, проживавший до того в Барнауле. А произошло это в связи с тем, что полковник Грязнов тогда вернулся на службу, заняв пост начальника МУРа.

С Денисом Гордеев познакомился еще в ту пору, когда работал в Генеральной прокуратуре под началом старшего следователя по особо важным делам Александра Борисовича Турецкого — старинного друга Вячеслава Ивановича. Вот в ходе их совместной работы над многими уголовными делами Гордеев и подружился с Денисом, который иногда оказывал некоторые детективные услуги старшему советнику юстиции Александру Борисовичу Турецкому. А уж подружились Юрий с Денисом после ухода Гордеева в адвокатуру. Нередко встречались как по служебным, так и по личным делам.

Наконец Денис вышел из своего кабинета, чтобы проводить посетителей. Увидев Гордеева, жестом его поприветствовал и сказал:

— Проходи. Я сейчас буду.

Гордеев вошел в кабинет и сел в стоявшее рядом с директорским столом черное кожаное кресло. Сидеть во вращающемся кресле было удобно, и Юрий, пока Дениса не было, резко оттолкнулся ногой от пола. Кресло несколько раз прокрутилось вокруг своей оси. За это время Гордеев и успел осмотреть кабинет Грязнова-младшего. В нем тоже ничего не изменилось.

Денис показался в дверях неожиданно.

— Эй-эй, — весело сказал он Гордееву, — поосторожней с инвентарем. Ты не в луна-парке. Кресло — не карусель.

— Я из инспекции по техническому надзору. Проверяю изделие на отсутствие скрипа и мягкость скольжения.

— Ну и как скольжение? — серьезно поинтересовался директор агентства.

— Плавное, — дал оценку Гордеев.

— Ты меня успокоил, — сказал довольный Грязнов и сел за стол.

Денис был копией своего дяди. Только моложе — лет на двадцать пять — и полегче — килограммов на пятнадцать. Такой же высокий, с рыжей шевелюрой и хитроватой физиономией. Ежедневной рабочей одеждой Дениса были синие джинсы, туго облегавшая торс футболка и кроссовки.

— Чай, кофе или минералку? — спросил Грязнов.

— Чай у тебя какой?

— Черный, зеленый, фруктовый, цветочный... Ваше предпочтение?

— Богатый выбор.

— Для себя, друзей и клиентов ничего не жалко.

Гордеев усмехнулся.

— Сегодня, — сказал он, — лучше зеленый... и со льдом, если можно.

Грязнов поднял телефонную трубку и нажал на корпусе аппарата несколько кнопок:

— Алло, Танечка, два чая, пожалуйста... и лед захвати. Гость предпочитает зеленый.

— Обзавелся секретаршей? — спросил Юрий.

— Нет. Назначил дежурство по кухне. Скользящий график. Раз в неделю через это проходит каждый. Сегодня — Татьяна.

— До этого ты ее называл Танечкой. Симпатичная?

— Не то слово. Красавица!

— Спортсменка, комсомолка... — продолжил Гордеев.

— Зря иронизируешь. Татьяна — мастер спорта по современному пятиборью.

— А что нынче входит в ваше пятиборье?

— Все по-старому: плавание, бег по пересеченной местности, то есть кросс, фехтование, верховая езда и стрельба из пистолета. Стреляет Татьяна отлично. Причем с обеих рук.

— По-македонски? Как писал один классик, — сострил Юрий. — Пых, пых?

Денис кивнул.

— Вот именно. К тому же у нее черный пояс... по карате.

Гордеев присвистнул.

— И прекрасно водит любой автомобиль — как легковой, так и грузовой. О мотоциклах я уж и не говорю.

— Сдаюсь, сдаюсь!

— Но это еще не все. Татьяна свободно говорит на английском и итальянском.

— Ты меня окончательно добил, — сказал Гордеев и поднял вверх обе руки.

— То-то, — пробурчал довольный Денис, — впредь будешь знать.

Гордеев уважительно развел руки в стороны.

— А можно задать один вопрос?

— Валяй.

— Тебе-то она нравится? — поинтересовался Гордеев.

— Да, — Денис немного смутился. — Она отличный работник.

— Я не об этом спрашиваю, Денис.

Грязнов-младший смутился еще больше. Но именно в это время в дверь его кабинета постучали.

— Войдите!

На пороге появилась стройная девушка. Она словно сошла со страницы модного журнала, так как внешностью своей очень напоминала топ-модель. Красивое лицо, высокий рост, длинные ноги, тонкая талия. В руках у девушки был небольшой поднос, на котором стояло металлическое ведерко со льдом и две чашки из темно-зеленого стекла, там же находились заварной чайник и вазочка с вареньем.

Девушка кивком поздоровалась с Гордеевым и обратилась к Грязнову:

— Денис Андреевич, чай готов.

— Спасибо, Татьяна. Поставьте, пожалуйста, туда. — Он жестом показал на журнальный столик, рядом с которым стояло три невысоких кожаных кресла. — О, и варенье есть, — отметил удивленно, в то время как девушка ставила поднос на столик. — Домашнее?

Татьяна слегка опустила глаза.

— Вы же любите сладкое, я знаю, — сказала она.

— Балуете вы меня, Татьяна. Ведь привыкну. А если уйдете от нас, что я буду делать? Бабушке вашей — большой привет. Варенье у нее всегда отменное. Большое ей спасибо.

— Сегодняшнее варила я, — сказала девушка и покраснела.

— Не сомневаюсь, что оно такое же вкусное! Спасибо и вам.

Татьяна кивнула и направилась к дверям. Она прошла через кабинет и закрыла за собой стеклянную половину двери. По ее мягкой походке опытным глазом Гордеев определил, что девушка действительно знакома и с восточными единоборствами, и с другими видами спорта.

— Если твоя Татьяна так же стреляет и владеет карате, как и выглядит, то я не позавидую тем, кто столкнется с ней в темном переулке. Не поздоровится тому мужику, — высказал свою точку зрения Гордеев.

— Верно, — согласился Денис. — Ну давай пробовать ее варенье.

Бросив в свою чашку с чаем пару кусочков льда, Юрий сделал большой глоток и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

— Свой вопрос относительно Татьяны я снимаю. И так все ясно.

Денис, смакуя варенье, лишь промычал от удовольствия.

— Что входит в ее обязанности? — спросил Гордеев.

— Она телохранитель. Одна из трех, кого мы держим для приезжих VIP. Двое других — мужчины.

— Мужиков уже не хватает, что ли?

— Некоторые клиенты хотят видеть рядом с собой женщину. Они не так привлекают к себе внимание, как мужчины. В обществе их легко принимают за дочерей, жен или секретарей, а то и за переводчиц. Женщин же, как правило, не берут в расчет нападающие. А зря, интуиция у женщин развита сильнее. Они словно кожей чувствуют опасность, спинным мозгом. Так что спрос на женщин-телохранителей нынче растет. А он, как ты знаешь, рождает и предложение.

Денис сделал глоток чаю и отправил в рот очередную порцию варенья.

— Попробуй. Крыжовник, — сказал он и придвинул к Гордееву вазочку с вареньем.

Пока Юрий пробовал варенье, Денис успел выпить свой чай и решил перейти наконец к делу:

— Так что у тебя стряслось? Рассказывай.

Гордеев молча выложил на стол свой сотовый телефон.

— Вот стал барахлить.

— Понятно.

Денис повертел аппарат в руках.

— Сигнал кодируется? — спросил он.

— Угу, — промычал Гордеев.

— Пей чай, а я отнесу ребятам, пусть посмотрят.

Денис вышел из кабинета и вернулся минут через пять.

— Сейчас мои спецы разбирают твой телефон, — сообщил он Юрию. — Закончат с ним возиться — принесут. Ну а пока рассказывай, во что ты там влип.

— Да пока не влип. Но, кажется, начинаю потихоньку увязать. Но давай уж по порядку...

Гордеев рассказал о том, что происходило с ним в последнее время. Где-то на середине рассказа, когда речь его дошла наконец до происшествия с телефоном в приемном покое больницы, в дверь кабинета неожиданно постучали.

— Ну вот мы, вероятно, и узнаем о результатах проверки твоего аппарата, — сказал Денис.

В кабинет вошел парень. Он был полноват, но подвижен. Он словно влетел в помещение, отчего его длинные волосы распушились по плечам.

— Нашли что-нибудь, Сережа? — спросил Грязнов.

— Да, элементарный «жучок». Работает при включенном аппарате, пока идет разговор. Подключен к питанию телефона. Радиус действия — километр. Скорее всего, установлен для прослушивания телефонных разговоров, так как сам сигнал проходит цифровое кодирование. Одновременно с этим «жучок» может быть и радиомаяком. Тогда владельца аппарата легко засечь, вернее, определить его местонахождение, если, конечно, аппарат находится при нем.

— Сколько времени нужно, чтобы установить такой «жучок»? — спросил Денис.

— Минут двадцать. Но опытный специалист на это потратит вдвое меньше.

— Что будем делать? — обратился Грязнов к Гордееву. — Удалим или оставим?

— Если изъять этот «жучок», то те, кто его поставил, найдут способ воткнуть другой. А так хоть известно, откуда ожидать утечки информации, — ответил Юрий.

— По этому каналу можно и дезинформацию поставлять, — предложил Денис.

— Я подумал об этом.

— Значит, пока оставляем, — сказал директор агентства «Глория» своему подчиненному.

— Понял, — сказал длинноволосый парень и вышел из кабинета Грязнова.

— Осталось определить того, кто тебе его подсунил, — сказал Денис, когда за парнем закрылась дверь. — Вернее, того, кто стоит за супружеской парой. Они, как видно, — я говорю об этой паре из больницы — люди опытные. Возможно, бывшие сотрудники нашего доблестного КГБ.

— А может, и нынешнего ФСБ... — задумчиво произнес Гордеев.

— Но зачем ты им понадобился?

— Кажется, я начинаю кому-то сильно мешать. Хотя, по сути, пока и делать-то ничего не начал. Разве что соглашение на защиту оформил.

— Нельзя исключать, что как раз именно это твое соглашение и затрагивает кровные интересы кого-то из сильных мира сего. Деньги тут или политика — все едино, два кита, ради которых...

— Все может быть, Денис. Деньги в фирме «ВДП» уж во всяком случае крутятся очень большие. А там, где вложены гигантские средства, там и жертвы аналогичные. И ни лица, ни должности роли не играют...

— Это верно, — согласился Грязнов. — Еще чаю?

— Нет, спасибо.

Денис собрал посуду на поднос.

— Возможно, мне понадобится твоя помощь, — сказал Юрий. — Все услуги, как ты понимаешь, будут оплачены.

Денис подошел к своему столу, выдвинул один из многочисленных ящичков и достал оттуда черную плоскую коробочку с фирменным знаком «Сони» и компактный сотовый телефон. И то и другое запросто умещалось на ладони. Затем подошел к Гордееву и положил эти вещи перед ним.

— Что это?

— Ну, — усмехнулся Грязнов, — телефон ты, надеюсь, узнаешь. Это последняя модель фирмы «Эриксон». Удобен и надежен. Сигнал кодируется, так что за конфиденциальность телефонных переговоров можешь быть спокоен. Абсолютно спокоен. Мои специалисты довели его до ума. Он теперь намного надежнее обычного серийного. А вот это... — Денис взял в руки черную коробочку, — а вот эта штука поможет тебе найти любое электронное подслушивающее устройство.

— Одно устройство обнаруживает другое, — покачал головой Гордеев. — Все как в джунглях: сильный жрет слабого.

— Как в жизни. А потом — с волками жить...

— Ты прав. И как этим пользоваться?

Грязнов показал Гордееву, куда нажимать, чтобы прибор заработал, и объяснил принцип его действия.

— Все очень просто, — заключил он.

— Спасибо. Верну в целости и сохранности. Обещаю. — Гордеев поднялся. — Так я могу надеяться на твою помощь?

— А по-моему, я уже начал ее тебе оказывать, — улыбнулся Денис.

— Я просто для уточнения.

— Идем. Я верну тебе твой телефон. Ребята, наверно, его уже собрали. А по моему, который я тебе дал, будешь звонить в крайнем случае. Не свети его без нужды.

— Не буду, — пообещал Гордеев.

Получив назад свое мобильное средство связи, Юрий попрощался с Денисом Грязновым и покинул детективное агентство «Глория». В этот день ему еще предстояло много дел. Все они были связаны с его подзащитным.

Лучшие ученики

Здание этой московской школы напоминало своим видом морской лайнер, зашедший в портовый док на профилактический ремонт. Оно было окружено строительными лесами, по которым сновали люди в синих спецовках и оранжевых касках. Они штукатурили и красили стены, вставляли в оконные рамы новые стекла.

В распахнутую парадную дверь Гордеев проскочил стремительно, чтобы не вымазаться в краске, в два прыжка преодолел восемь гранитных ступенек. Здесь все пахло свежесделанным ремонтом. Острый запах масляной краски смешивался с запахом извести и щекотал ноздри. Юрий не выдержал и чихнул.

— Будьте здоровы! — услышал он откуда-то сверху.

— Спасибо, — ответил Юрий по инерции.

Он не сразу заметил говорившего, так как понадобилось какое-то время, чтобы адаптироваться к сумеречной атмосфере школьного здания. В люстре, что висела в фойе, горело лишь несколько тусклых лампочек, покрытых каплями засохшей извести. После улицы с ярким солнцем здесь было просто темно.

Когда же глаза привыкли к полумраку, Юрий увидел рядом с собой, у ближайшей стены, высокую деревянную стремянку. На верхней ее ступеньке стояла темноволосая девушка в синем джинсовом комбинезоне. В руках у нее было несколько застекленных фотопортретов в металлических рамках. Девушка развешивала портреты на торчавших из стены крупных гвоздях, которые располагались рядами. На многих из них уже висели большие черно-белые фотографии девичьих и мальчишеских лиц. Под фотографиями можно было прочесть фамилии изображенных и год выпуска. Вверху же, почти под самым потолком, была надпись, составленная из желтых металлических букв, — «Лучшие ученики школы».

Развесив имеющиеся в руках портреты, девушка спустилась с лестницы за новыми, что были сложены небольшими стопками прямо под лестницей.

— Вы кого-нибудь ищите? — спросила она, заметив, что незнакомец внимательно рассматривает уже развешанные ею фотографии.

— Да. Мне бы повидать директора школы, — ответил Юрий, отрывая взгляд от школьной галереи почета.

— Даниила Андреевича нет, но он скоро должен быть. Его кабинет на втором этаже. Рядом с учительской.

— Тогда я его подожду. Вы не против?

— Сделайте одолжение. Но если вы по поводу устройства вашего ребенка в школу, то лучше сразу обратиться к Антонине Егорьевне. Она зав учебной частью.

— Нет, я совсем по другому вопросу. Хотя... Скажите... не знаю вашего имени?..

— Лида.

— А меня зовут Юрий Петрович, — представился в свою очередь Гордеев.

— Я вас слушаю, Юрий Петрович.

— Скажите, Лида, Антонина Егорьевна давно работает в вашей школе?

— Третий год. К нам ее перевели из другого района. У нас учительский коллектив молодой. Относительно, конечно.

Девушка взяла несколько застекленных фотографий и стала подниматься по лестнице.

— А Даниил Андреевич? Он тоже недавно работает в вашей школе?

— Нет, — улыбнулась девушка, — вот Даниил Андреевич здесь давно. Сразу после окончания педагогического института.

Руки девушки опустели. Она развесила очередную партию фотографий и стала спускаться по лестнице, но остановилась.

— А вы не поможете мне?

— С удовольствием, — ответил Юрий. — Что от меня требуется? Подавать портреты?

— Если вам не трудно.

— Нисколько.

Гордеев взял стопку портретов и стал подавать их Лидии по одному.

— Даниил Андреевич, — вернулась к разговору девушка, — когда-то учился в этой школе. Его фотик тоже здесь есть, — Лида показала в сторону развешанных фотографий. — Взгляните, во втором ряду, третий с левой стороны.

Гордеев посмотрел в указанном направлении. С фотографии на него смотрело лицо пухлого юноши. Тяжелые роговые очки придавали лицу серьезное выражение. Внизу он прочел: «Даниил Леонидов. Выпуск 1973 года».

— Строгий, наверно? — поинтересовался Гордеев.

— Справедливый, — улыбнулась девушка. — А без строгости в школе нельзя. Дети это быстро почувствуют и сядут на голову.

— Вы тоже педагог?

— Преподаю в начальных классах.

Передавая наверх портреты, Гордеев не упускал случая взглянуть на них. Ему было интересно посмотреть, как выглядели Федор Невежин и Эдуард Поташев в год окончания школы. То, что их пока здесь не было, Гордеев знал точно, он уже прочел фамилии под висевшими портретами.

— Я думал, что вы практикантка.

— Это потому, что я выгляжу несолидно? — словно бы застенялась девушка.

— Я бы сказал: очень молодо.

— Будущий учебный год для меня будет вторым. Я из тех, кто только-только начинает свой трудовой путь. Так нам сказал ректор, когда вручал дипломы. А Даниил Андреевич подобным мне помогает делать первые шаги. Ведь ему в свое время тоже помогали. Начинающему преподавателю очень важно поверить в себя, в свои силы...

— Ну лично я в ваших силах и способностях нисколько не сомневаюсь, — с улыбкой, но очень серьезным тоном сказал Гордеев.

Девушка рассмеялась.

— Кстати, — уже серьезно сказала Лида, — Даниил Андреевич сейчас подойдет.

— Лида, вы ясновидящая?

— Нет, — грустно ответила Лидия. — Просто я видела, как он только что вышел из своего автомобиля.

Говоря это, девушка показала на окно, выходящее на школьный двор. Сквозь мутное, еще не промытое после ремонта оконное стекло можно было разглядеть стоящие у ворот школы «Жигули».

Хотя Юрий и ожидал прихода директора, однако тот появился в фойе внезапно. Как всякий хороший хозяйственник, он сначала обошел вверенный ему объект, проверил, как идут ремонтные работы, поговорил с прорабом и лишь затем вошел в здание школы с противоположного входа, который по старинке назывался «черным».

— Лидия Георгиевна, — услышал внезапно за своей спиной Гордеев, — я поражаюсь вашим способностям! Вы всегда находите себе добровольных помощников. Как вам это удается? Поделитесь на досуге?

От неожиданности Лида чуть не выронила портрет, который в это время ей подавал Гордеев, но Юрий успел его подхватить.

— Это моя инициатива, — Гордеев обернулся. — Я просто не мог отказаться от помощи начинающему педагогу. Здравствуйте.

— Что ж, хорошим помощникам мы всегда рады, — сказал директор и склонил голову в вежливом полупоклоне.

Гордеев без труда узнал директора. Этот полноватый мужчина хотя и изменился с годами, но все же очень напоминал того семнадцатилетнего юношу, чья фотография висела среди лучших учеников школы. Те же внимательные глаза, то же суховато-серьезное выражение лица, виной чему были старомодные очки в тяжелой роговой оправе. Лишь волос поубавилось на голове. Они теперь не свисали челкой, а были зачесаны назад и немного набок, что позволяло скрывать постепенно увеличивающуюся лысину. Такие прически раньше почему-то назывались «внутренний заем».

Даниил Андреевич строгим директорским взглядом окинул то, что успела сделать его подчиненная, и, кажется, остался доволен.

— Продолжайте, Лидия Георгиевна, — поощрил он и собрался было идти дальше, но был остановлен своей подчиненной.

— Даниил Андреевич, — сказала Лида, — а товарищ к вам.

Директор внимательно оглядел Гордеева:

— Слушаю вас. По какому вопросу?

— По личному вопросу одного из моих клиентов, — ответил Гордеев.

Леонидов удивленно вскинул брови.

— Я адвокат, — пояснил Юрий.

— Тогда пройдемте в мой кабинет... Это на втором этаже.

Кабинет директора школы состоял из двух небольших комнат. В одной, совсем маленькой, располагалась приемная, а в другой, чуть больше, — рабочий кабинет. В нем царил беспорядок. Повсюду валялись какие-то бумаги. Это были и старые объявления об экскурсиях по музеям, расписания учебных занятий, и школьные стенные газеты, выпущенные к разным праздникам. Были тут и сочинения по литературе, и контрольные по математике, которые, судя по лиловым штампам, являлись итоговыми за четверть или за год.

— Извините. У нас ремонт, — объяснил беспорядок директор школы. — Приходится кочевать с места на место. — Даниил Андреевич освободил ближайший же стул, а бумаги с него перенес на подоконник. — Садитесь. А я, с вашего разрешения, пока немного приберу.

Пока хозяин кабинета неторопливо наводил поверхностный порядок, Юрий Петрович огляделся. Кроме нескольких стульев и директорского стола, на котором стоял устаревший компьютер — явно подарок каких-нибудь шефов, — в помещении находилось еще и несколько массивных шкафов с инвентарными номерами, забитых папками, книгами и классными журналами. Наверху стояли два микроскопа, огромный глобус и какая-то химическая посуда, из-за чего невозможно было определить предмет, который преподавал директор школы, кабинет которого больше напоминал кладовую запасливого завхоза. Рядом со шкафами в небольшой застекленной витрине красовались металлические, керамические и деревянные кубки, всевозможные вымпелы, грамоты и жетоны на атласных тесемках. Это были школьные спортивные трофеи, добытые не одним поколением школьных атлетов, туристов и шахматистов, защищавших честь своей школы на районных, городских, областных и даже всесоюзных соревнованиях, первенствах и разного рода олимпиадах.

«Богатая коллекция!» — подумал об уголке спортивной славы Юрий Гордеев.

На стене, за вращающимся креслом директора, висел большой живописный портрет мужчины, изображенного в полный рост. Его лицо Гордееву показалось очень знакомым, и имя вертелось на языке, но вспомнить, кто это, Юрий все никак не мог. Портрет был выполнен маслом и вставлен в массивную золоченую раму.

— Интересуетесь? — спросил директор школы, по всей видимости перехвативший взгляд Юрия.

— Да, — ответил Гордеев. — Только вот забыл...

— Так это же Макаренко! Наша школа носит его имя. — Директор сделал многозначительную паузу. — Был такой педагог. Занимался беспризорниками. Макаренко собирал их в коммуну и делал людей с большой буквы.

— И написал «Педагогическую поэму», — продолжил Гордеев.

— Читали? — поинтересовался Даниил Андреевич.

— Приходилось, — ответил Гордеев. — И «Флаги...» тоже.

— Что ж... Приятно слышать. Сегодня немногие могут похвастаться этим. — Леонидов перенес последние бумаги на подоконник и сел наконец за свой стол. — Ну так что же вас привело ко мне?

— Дела давно минувших дней... и нынешних.

— Слушаю вас, господин адвокат.

Юрий Гордеев вкратце рассказал суть своего дела, которая сводилась к тому, что адвокату Гордееву, взявшему на себя защиту Невежина, была необходима характеристика на своего подзащитного — одна из многих, которые ему еще предстояло получить в других местах. Кроме того, он хотел узнать о взаимоотношениях между Поташевым и Невежиным, начавшихся, надо понимать, еще в школьные годы.

— Они учились в одном классе, не так ли? — закончил Юрий.

— Да. Я помню этих парней. Отличные были ребята. Гордость школы. Они окончили школу годом раньше меня. А вот меня они вряд ли вспомнят: старшеклассники, как правило, не обращают внимания на тех, кто моложе. В год окончания школы Невежин и Поташев были лучшими среди всех десятых классов, а их тогда было четыре: «А», «Б», «В» и «Г». Они учились в «А», лучшем классе в школе.

Леонидов поправил указательным пальцем свои очки, сползшие на кончик носа.

— Вам, Юрий Петрович, наверное, известно о практике, которая существует во многих школах.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю о том, что во время распределения учеников по классам самых способных собирают в «А». Тех, кто послабее, — в «Б»... Ну и так далее.

— Не знал, — улыбнулся Гордеев. — Наверно, потому, что сам я учился в «Г».

Леонидов рассмеялся:

— Ну что ж, без исключений не бывает и правил.

— Спасибо. Утешили, — шутливо поблагодарил Гордеев.

— А к лучшим ученикам, — продолжал раскрывать «тайны» Леонидов, — приставляли и лучших классных руководителей. Таким руководителем у Эдуарда Поташева и Федора Невежина была Юлия Петровна Доброва. Педагог с большим стажем. Она пользовалась авторитетом и среди учеников, и в среде преподавателей. Недаром ей было присвоено звание «Заслуженный учитель»... Глядя на то, как работает Юлия Петровна, — продолжил после паузы Леонидов, — я понял, что тоже хочу стать учителем. Пошел в педагогический... Вот Юлия Петровна могла бы вам многое рассказать и об Эдуарде Поташеве, и о Федоре Невежине, и об их взаимоотношениях.

— Она работает в школе? — спросил Гордеев.

— Нет. Юлия Петровна на пенсии.

— Она жива? Ведь ей, наверно, много лет?

— Сведений о том, что она умерла, у меня нет. А лет ей действительно много.

— Где я могу ее найти?

— Одну минутку. Я найду вам ее адрес. — Директор со скрипом выдвинул верхний ящик письменного стола и стал что-то искать в его недрах. — Юлия Петровна, — не прерывая своих

поисков, продолжал говорить Леонидов, — прежде жила в Москве. Но когда вышла на пенсию, то переехала в Коломну. Обменялась с внуком жилплощадью. Теперь в ее квартире живет он.

Даниил Андреевич наконец-то извлек из недр ящика большой блокнот в черном коленкором переплете, положил перед собой и стал листать.

— У меня здесь, — пояснил Леонидов Гордееву, — записаны адреса всех наших пенсионеров. Своих стариков мы не забываем. Поздравляем с праздниками — посылаем открытки. Звоним. Навещаем. Помогаем. Как можем и чем можем... А над одинокими наши школьные тимуровцы берут шефство.

— А что с Добровой?

— Ну, Юлия Петровна как переехала в Коломну, так больше в Москву и не возвращалась. Поздравления с праздниками, как и остальным, мы на ее адрес отправляем регулярно. Но вот жива она или нет, честно скажу, не знаю. От Юлии Петровны давно не было никаких вестей... И телефона у нее нет. — Даниил Андреевич протянул Гордееву карандаш и чистый лист бумаги: — Записывайте адрес. Город Коломна, улица Вагонная, дом восемнадцать, квартира два. Доброва Юлия Петровна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.